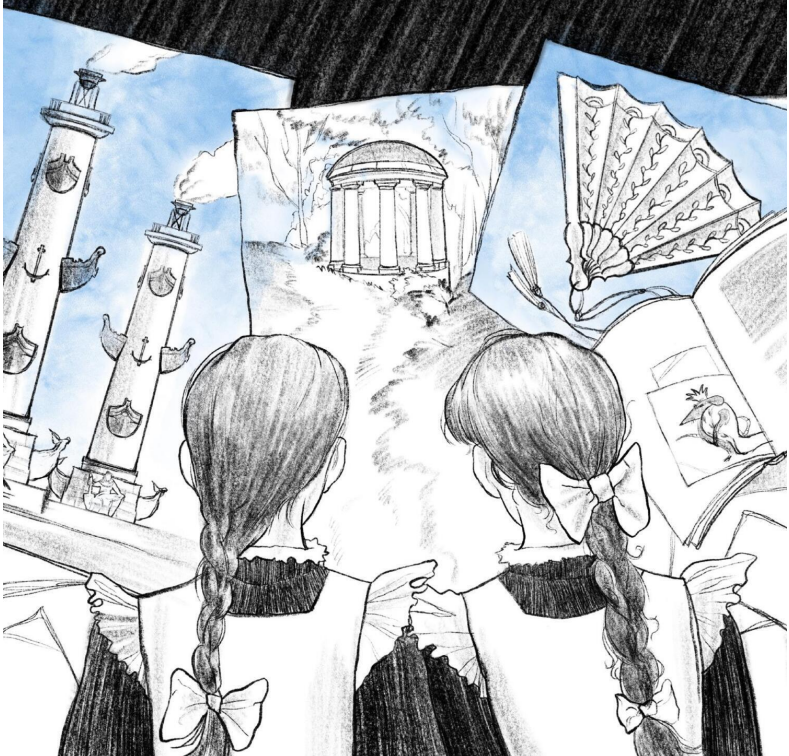
Евгения Якушина

Приключения Руднева

Аничкина иколе



Евгения Якушина

Аничкина иколе. Приключения Руднева

Серия «Приключения Руднева», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67885805
SelfPub; 2024

Аннотация

Новое дело приводит Руднева и его друзей на берега Невы. В стенах благородного девичьего пансиона происходят страшные и необъяснимые события. Героям предстоит распутать роковой узел из человеческих страстей и сомнительных амбиций, пройдя по тонкой грани, по одну сторону которой лежат государственные интересы, а по другую – детские жизни и судьбы.

Содержание

Глава 1 4
Глава 3 29
Глава 4 39
Глава 5 58
Глава 6 76
Глава 7 90
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Евгения Якушина
Аничкина иколе. Приключения Руднева

Глава 1

Леночка виртуозно умела притворяться спящей. Этот свой навык она оттачивала все три года, проведенные в Аничкиной иколЕ *(от фр. école – школа)* и теперь в полной мере достигла истинного совершенства в искусстве обмана.

Леночка замерла под худым одеялом, расслабила лицо и выровняла дыхание.

Как и следовало ожидать, Грымза прошла мимо, ничего не заметив.

Следующий обход должен был произойти лишь в два пополуночи, а значит, у Леночки было целых сто двадцать минут времени. Дивного, драгоценного времени, свободного от бесконечного надзора и муштры! Её личного времени! И уж она, Леночка Блохина, точно не потратит ни мгновения этого времени понапрасну!

Леночка села на койке, наскоро натянула кофту, уже слегка узкую ей в груди и плечах, но уж очень любимую, связанную для неё заботливыми руками подслеповатой старенькой

няни, спустила ноги на каменный пол, который, как всегда, в первый момент показался таким обжигающе холодным, что аж пальцы занемели, и словно малый зверёк, напуганный хищной ночной птицей, беззвучно и стремительно кинулась через весь дортуар к кровати своей подруги.

Леночкиной машерочкой была Натали Леман, маленькая, кругленькая, неуклюжая, с непослушными жесткими как солома темно-русыми волосами и большими карими глазами, которые за стёклами очков казались ещё больше. Натали была тихой и скромной, по любому поводу щеки её заливал яркий стыдливый румянец, а глаза наполнялись слезами; она вечно всего боялась: и мышей, и директрисы, и чертей.

Леночка же была её полной противоположностью и внешне, и по характеру. Тонкая, словно щепка, и подвижная, как ртуть, Леночка никогда ничего не боялась и непозволительно для приличной барышни редко смущалась. Её лицо было живым и открытым, зелёные, будто неспелый крыжовник, глаза смотрели смело и задорно, а дерзко вздёрнутый носик и острые скулы покрывала россыпь золотистых веснушек. Светло-рыжие волосы Леночки вились, не желая укладываться в благопристойную гладкую прическу, выбивались из-под ленты и кудрявились на висках маленькими огненными завитками.

Своекоштная* Леночка Блохина провела в Аничкиной иколе нестерпимо долгих и нудных два года, прежде чем в её жизни появилась Натали Леман. Девочки были ровесни-

цами, но Леман оказалась в иколе лишь в одиннадцать, так как была принята в неё на казённый кошт за государственные заслуги отца-профессора.

*(*Примечание. Содержание (кошт) в школе Леночки Блохиной оплачивалось частным образом, а не из казны, в отличие от казеннокоштного содержания.)*

С появлением Натали жизнь Леночки перестала быть такой уж противной и пустой, словно кисель, что подавали воспитанницам Аничкиной иколе на обед. Бесконечные школьные дни вдруг наполнились смыслом, цветом и вкусом. И это наконец-то примерило Леночку с неизбежностью провести в этих скучных, холодных и серых стенах аж целых девять лет.

Как и следовала ожидать, Натали сладко спала, свернувшись крепким калачиком под жалким вытертым одеялом.

– Натали! – жарко зашептала Леночка на ухо подруге. – Натали! Вставай, соня! Грымза только что к себе ушла! Вставай же!

Натали заворочалась, что-то сонно пробормотала, наконец открыла близорукие глаза и принялась шарить рукой по тумбочке в поисках очков.

– Ах, как невовремя ты меня разбудила! – посетовала она подруге. – Мне снилось, будто папА и маман приехали проведать меня на Рождество Богородицы и привезли во-от такой медовый пряник, – Натали развела руки на ширину не менее локтя, показывая сколь впечатляющими были размеры приснившегося ей пряника.

– Тише, ты! – шикнула Леночка. – Других разбудишь! И всё-то тебе сласти снятся!

Надо сказать, что и самой Леночке, как, впрочем, и всем остальным вечно голодным воспитанницам, часто снились родительские гостинцы или сытные семейные ужины, но признаваться в этой своей слабости перед подругой Леночка ни за что бы не стала.

– Идём! – продолжала она тормошить сонную шерочку. – Давай, бери шаль!

Натали неуклюже выбралась из постели и, приплясывая от холода на ледяном полу, обмотала себя пуховой шалью крест-на-крест через грудь, как это делают простые бабы.

Леночка нетерпеливо ухватила подругу за руку и потянула за собой.

– Давай быстрее! Через два часа нужно вернуться!

– Может не пойдем никуда? – робко предложила Натали. – Здесь останемся. У меня в матрасе «Юлия»** спрятана. Почитаем!

*(**Примечание. Имеется в виду сентиментальный роман Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»)*

– Надоела твоя «Юлия»! Пошли лучше в кабинет биологии проберёмся! Там Михаил Петрович чучела новые привёз. Даже утконос есть! Сама видела!

От перспективы отправиться в ночи смотреть чучела Натали совсем оробела.

– Леночка, это же в учебное крыло идти надо! А что, как

нас в коридорах увидят?!

– Скажем, что в уборную пошли.

– Вдвоём?

– Ну, так я скажу, что ты темноты испугалась, и что мне тебя провожать пришлось! Ты ж и впрямь боишься в потёмках одна ходить!

– Так уборные в другой стороне!

Замечание подруги было, конечно, справедливым и, в общем-то, полностью ломало конспиративную легенду Леночки, но удержать её от реализации очередной смелой идеи уже не мог никакой аргумент.

– Ой! Да не будь ты такой трусихой и занудой, Натали! Никто нас не заметит! Идём же!

Девочки прокрались в коридор, куда выходили двери дортуаров и, тихо шлепая босыми ногами по полу, побежали в сторону учебного крыла.

Им было холодно и жутковато, но надеть туфли, чтобы не так зябли ноги, они не решались, опасаясь, что кто-нибудь услышит стук их каблучков, и брать свечу, чтобы хоть немного отогнать от себя темноту, тоже не смели, зная, что и самый робкий огонёк будет непременно заметен в спящем ночном здании.

Они уже почти преодолели анфиладу жилого крыла, когда вдруг услышали торопливые шаги и приглушённые голоса.

Девочки замерли.

Скосив глаза на подругу, Леночка поняла, что та готова

завизжать от ужаса. Не иначе, как суеверная Натали Леман уж представила себе, что по старому Голицынскому дворцу разгуливает какая-нибудь нежить. Леночка в такие глупости не верила, однако тоже не на шутку испугалась. Находиться среди ночи вне дортуара было одним из самых серьезных нарушений дисциплины, какое только себе можно было представить, и наказание за него ожидало воспитанниц наистрожайшее.

Леночка дёрнула за руку Натали, превратившуюся от ужаса в соляной столб, и затащила её за оконную портьеру.

– Тише! – прошептала она в самое ухо подруге. – Ни звука!

Та испуганно кивнула и зажала руками рот.

Шаги и голоса приближались. Подруги едва смели дышать. Леночке казалось, что их обязательно обнаружат по стуку её сердца, так громко и отчаянно оно колотилось.

Неизвестные вошли в галерею.

Как ни была напугана Леночка, её начало одолевать любопытство, кто же это мог разгуливать по иколе ночью? Она прислушалась, но не смогла разобрать ни слова, неизвестные говорили слишком тихо.

Леночка чуть-чуть раздвинула портьеру, игнорируя появившуюся в глазах подруги панику, приложила палец к губам и осторожно прильнула к щёлке.

По галерее шли четверо: женщина и трое мужчин. Женщина шла впереди, держа в руках свечу, и фигуры в неров-

ном свете казались такими гротескными, что узнать их не представлялось возможным.

Следом за женщиной шёл мужчина и нес на плече что-то похожее на перекрученное одеяло. Ещё двое шли за ним и тихо переговаривались.

В этот момент напряженную тишину галереи расколол долетевший с центральной лестницы бой часов, отбивавших половину первого.

Леночка вздрогнула от неожиданности, а вконец перепуганная Натали издала тихий придушенный писк.

Один из идущих в арьергарде мужчин замер.

– Вы слышали? – спросил он.

Говорил он немного странно, с каким-то непривычным для Леночкиного слуха акцентом.

– Вам послышалось! – прошептала женщина. – Здесь никого не может быть. Все спят! Нужно спешить, господа!

Голос женщины показался Леночке знакомым, но она была слишком напугана, и это ощущение узнавания моментально рассыпалось и забылось в её голове.

Все, кроме человека с акцентом, снова поспешили вперёд, а этот последний продолжал стоять на месте, напряжено прислушиваясь.

Свеча перестала освещать его, и он стал казаться пугающей неподвижной тенью, зависшей над бликующим желтоватыми отблесками паркетом.

Незнакомец выждал ещё несколько секунд, показавшихся

подругам вечностью, а потом медленно пошёл вдоль галереи.

Поравнявшись с оконным проёмом, в углу которого за портьерой прятались девочки, он снова остановился и окинул вокруг себя взглядом. В тот самый момент, когда незнакомец повернулся в сторону окна, луна пробилась из-за туч и подсветила своим тусклым и холодным светом его лицо.

Леночка похолодела и закусила кулачок, чтобы не закричать.

Перед ней было приведение! Самое что ни на есть настоящее! Неподвижное белое лицо в ореоле голубоватого сияния смотрело в её сторону темными провалами глазниц. Слава Богу, Натали не могла этого видеть из-за спины подруги!

Приведение прислушалось, потом резко повернулось и двинулось вслед за остальными.

Было слышно, как все четверо дошли до лестницы.

– В дортуар! Быстро! – Леночка схватила не помнящую себя от страха подругу за руку и хотела выдернуть из укрытия, но её остановил раздавшийся со стороны лестницы шум.

Сперва послышался резкий женский голос, казалось он что-то встревожено спросил, потом приглушенный вопль, а после какой-то совсем странный и очень неприятный звук, будто уронили и раскололи спелую тыкву.

Теперь уж и Леночка потеряла голову от страха.

– Бежим! – взвизгнула она и помчалась через анфиладу, увлекая за собой Натали.

Девочки проскользнули в дортуар, где по-прежнему цари-

ли покой и тишина.

Леночка пихнула подругу в постель.

– Что? Что там такое было? – прерывающимся шёпотом спросила Натали.

– Ничего! Спи!

Леночка бросилась в свою койку и накрылась одеялом с головой. Её била дрожь, словно в лихорадке. Перед глазами стояло страшное белое лицо, а в ушах звучал женский возглас и странный звук, о природе которого Леночка не позволяла себе задуматься.

Она вдруг отчётливо поняла, что они с Натали стали свидетелями чего-то очень нехорошего, чего-то такого, о чём ни в коем случае нельзя никому рассказывать, особенно взрослым.

Глава 2

– Toucher! Halte! – Белецкий отступил назад. – Вы уже пятый удар пропускаете, Дмитрий Николаевич, а меня ни разу не задели! Соберитесь!.. En guarde!.. Êtes-vous prêt?.. Allez!*

*(*Примечание. Команды в спортивном фехтовании, используемые и в настоящее время морфологической передачей с французского. Toucher (туше) – касание. Halte (альт) – бой остановлен. En guarde (ан гард) – к бою. Êtes-vous prêt (этву прэ) – готовы? Allez (алле) – начали.)*

– Белецкий, ты меня загонял! – взмолился Руднев, ведя оборонительный бой и тщетно пытаясь удерживать своего противника на дальней дистанции.

– Соберитесь! – Белецкий был, как всегда, жёсток и непреклонен.

Этот высокий, худой, жилистый человек со строгим аскетичным лицом и острым взглядом зеленоватых глаз был подвижен и гибок, будто кошка. Его движения были стремительны и безукоризненно точны, и в этот раз не оставляли противнику ни единого шанса переломить ход боя.

Дмитрий Николаевич, уже смирившись с неизбежным поражением, пошел в ответную атаку, но тут же мгновенная контратака Белецкого закончилась для него очередным касанием.

– Toucher! – провозгласил Белецкий.

– Halte! – Руднев отбросил шпагу и снял маску. – Довольно на сегодня! Моё самолюбие истекает кровью! Ты насмерть пригвоздил его шестью ударами!

– Хотите реванша?

– Нет уж! В другой раз!

Фридрих Карлович Белецкий дал Рудневу первый урок фехтования, когда Дмитрию Николаевичу было всего десять лет, а самому Белецкому на тот момент едва исполнилось двадцать. С тех времён минуло почти два десятилетия, за которое Белецкий из наставника Руднева превратился в его компаньона и верного друга, а заодно в управляющего делами и личного секретаря, а сам Дмитрий Николаевич успел окончить гимназию, получить диплом юриста в Московском университете, стать известным художником, а параллельно

с тем – частным консультантом при Московском уголовном сыске.

Невзирая на все эти перемены, произошедшие в жизни Руднева и Белецкого за эти годы, правила их неизменных ежедневных тренировок, среди которых достойное место занимало и фехтование, оставались незыблемыми. И хотя Дмитрий Николаевич никогда не был поклонником атлетических упражнений и не стал таковым с годами, непоколебимое упорство Белецкого в этом вопросе сделало Руднева человеком сильным и ловким, прекрасно владеющим всевозможными видами оружия.

В этот день, надо признать, тренировка у Дмитрия Николаевича совсем не задалась: не то Белецкий был особенно в ударе, не то сказалась бессонная ночь, проведенная Рудневым за работой в его художественной мастерской.

Дмитрий Николаевич Руднев писал в стиле английских прерафаэлитов, то есть, по российским меркам, легкомысленном и салонном, хотя в последнее время модном в светских кругах. Сюжеты для своих романтических творений он черпал из средневековой рыцарской поэзии и античных мифов, и героями его полотен были томные или мистические красавицы, благородные рыцари да всякого рода сказочная нежить, иная чудовищная и зловредная, а иная разгульная и жизнерадостная.

Внешне Руднев и сам походил на романтических персонажей своих картин. У него было красивое благородное ли-

цо с точеными правильными чертами. Огромные серые глаза Руднева смотрели на мир то рассеяно и отрешенно, то вдруг взгляд их делался цепким и гипнотически проницательным. Светлые, слегка волнистые волосы цвета холодного золота Дмитрий Николаевич носил чуть длиннее, чем предписывала мода, и это придавало его облику оттенок творческой богемности. Он был ладно сложен, хотя невысок ростом и производил впечатление хрупкости. Движения его были элегантны, спокойны и неторопливы.

Дмитрий Николаевич принялся отстёгивать колет, и в этот момент в зал, постучавшись и испросив разрешения, вошёл старик-дворецкий.

– Царица небесная! – сердобольно запричитал он. – Дмитрий Николаевич, батюшка! Да энтот злодей-Белецкий совсем вас умаял!.. Вот, барин, лицо-то оботрите! – старик заботливо протянул Рудневу полотенце и сердито накинулся на Белецкого. – И что вы, право, Фридрих Карлович, человека-то спозаранку да без завтрака гоняете почём зря?! Охота вам, вот себя и мучьте! А Дмитрию Николаевичу поспать бы дали! Он вон, чай, очередную шедевру всю ночь выписывал. Нет у вас, Белецкий, никакого сердца!

– Вот кто бы кроме вас, Тимофей Кондратьевич, за меня перед Белецким осмелился бы вступиться! – улыбнулся Руднев стариковскому заступничеству. – Вы там про завтрак говорили. Велите подавать.

– Это я сейчас мигом, батюшка, – отзывался Тимофей

Кондратьевич, помогая Дмитрию Николаевичу снимать колет и всё еще бросая сердитые взгляды на прячущего улыбку Белецкого. – Я вас, собственно, потому осмелился потревожить, барин, что вам вестовой пакет принёс с гербовой печатью и пометками «Срочно» и «Лично в руки».

Дворецкий извлёк из бездонного кармана своей неизменной старомодной ливреи конверт, отдал Рудневу и с поклоном удалился.

– Похоже, это вам из Министерства внутренних дел прислали, – заметил Белецкий, увидев характерного двуглавого орла на сургуче.

Руднев взломал печать, вынул письмо и быстро пробежал глазами.

– Что это может означать, как думаешь? – спросил он отдавая бумагу Белецкому.

Тот тоже прочёл и пожал плечами.

– Я так понял, Дмитрий Николаевич, вас в Петербург приглашают по какой-то секретной и чрезвычайной надобности, – невозмутимо ответил он.

В письме значилось: *«Господину Рудневу Д.Н. Конфиденциально. Милостивый государь! Соблаговолите в срок, максимально возможно скорый, прибыть в столицу в связи с делом, имеющим значение чрезвычайное и относящееся к сферам высших государственных интересов. Сообщите телеграммой дату вашего выезда из Москвы. Вам будет предоставлен специальный вагон и встреча на Николаевском*

вокзале. Вероятность вашего отказа не рассматривается как возможная. Честь имею кланяться, действительный статский советник Алексей Петрович Ярцев, управление Особого отдела Департамента полиции министерства внутренних дел Российской империи».

– Приглашают, говоришь?.. – Дмитрий Николаевич несколько обескуражено прочёл вслух. – «Вероятность вашего отказа не рассматривается как возможная» … Хорошенькое приглашение!

Надо сказать, что Руднев никогда не состоял на государственной службе, хотя его и не раз приглашали служить в Департамент полиции, где, благодаря знатному происхождению, университетскому диплому с отличием, а главное, замечательному таланту в криминальных расследованиях, он мог бы сделать себе блистательную карьеру. Останавливали Дмитрия Николаевича два момента. Во-первых, он всё-таки считал своим основным призванием живопись, а во-вторых, очень уж он был щепетилен в своих нравственных суждениях, которые иной раз заметно расходились с правилами и нормами государственной службы, в том числе и полицейской.

Участвуя в делах сыска на правах лица неофициального, он с одной стороны был ограничен в своих полномочиях, но с другой – был свободен от обязанности беспрекословно выполнять указания начальства и подчиняться любым предписаниям сверху. Поэтому безоговорочное требование неза-

медлительно явится куда бы то ни было, пусть даже и высказанное персоной четвертого класса от Особого отдела Департамента полиции, было для Дмитрия Николаевича, по меньшей мере, неожиданностью.

– Так вы поедете? – спросил Белецкий. – Или подождёте, когда вам в иных выражениях приглашение направят?

– Не уверен, что выражения станут деликатнее, – заметил Руднев. – Едем. Завтра же.

В мягком бархатном полумраке министерского вагона время замерло и растворилось в золотистом свете лампы и перестуке колёс.

Руднев отложил книгу и всмотрелся в ночной мрак за окном. Тьма там была непроглядная, лишь изредка мелькали какие-то робкие огоньки, внезапно возникающие ниоткуда и так же стремительно пропадающие в никуда, словно фантомы.

Дмитрий Николаевич относился к путешествиям странно и неоднозначно. Ему всегда казалось, что часы, проведённые в дороге, это какое-то особое вневременье, мистический туннель в скале, за которым меняется и весь мир, и сам человек. И даже когда путник проходил по этому туннелю в обратном направлении, он уже не мог попасть в исходную точку, а оказывался где-то в ином месте, чем-то неуловимо отличном от прежнего. От этой зыбкости бытия Рудневу становилось неуютно.

Сейчас к обычной дорожной тревоге в душе его примешивалось беспокойство иного рода. Рудневу не давали покоя странные события, которые стали происходить после получения им письма из Петербурга.

Буквально спустя час в его особняк на Пречистенке заявился Анатолий Витальевич Терентьев, чиновник особых поручений Московского сыскного управления, некогда привлёкший Дмитрия Николаевича к сотрудничеству с полицией. Терентьева с Рудневым и Белецким связывали не только совместные расследования, но и многолетняя дружба, начало которой было положено при обстоятельствах для Дмитрия Николаевича роковых и трагических, произошедших в то время, когда он ещё только закончил гимназию.

– Во что вы ввязались, Руднев? – выпалил сыщик с порога вместо приветствия.

Дмитрий Николаевич растеряно ответил, что абсолютно не понимает, о чём речь.

– Вы знаете, что к вам велено приставить охрану?

– Какую охрану? – оторопело спросил Руднев.

– Скрытую, – хмуро ответил Терентьев. – С сегодняшнего дня вплоть до завтрашнего вечера, когда вы сядете на шестичасовой поезд до Питера.

Руднев с Белецким переглянулись.

– Господа, может вы всё-таки объясните мне, что происходит?

– Я получил письмо, – осторожно ответил Руднев. –

Конфиденциальное письмо из Санкт-Петербурга с просьбой приехать по какому-то важному делу.

– От кого?

– От чиновника, – Дмитрий Николаевич уточнять не стал, но Терентьев и без того догадался, что был недоговорено.

– Вы предполагаете, с чем может быть связано дело, по которому вас пригласили? – спросил он.

– Нет, не имею ни малейшего понятия.

– В таком случае, Дмитрий Николаевич, до того момента, как я завтра пришлю за вами экипаж, из дома не выходите, – тон Анатолия Витальевича был таким, что у Руднева не возникло желания перечить.

Он пообещал, что будет оставаться дома.

Однако на этом странности не закончились. Ближе к вечеру покой Пречистенского особняка был нарушен хулиганским деянием. Кто-то швырнул в окно первого этажа камень и разбил стекло. Камень был завернут в бумагу, на которой было написано: *«Не смейте вставать у нас на пути!»* Белецкий успел забрать записку раньше, чем её увидели слуги, так что лишней тревоги в доме не возникло, но у самих Белецкого и Руднева добавилось поводов для беспокойства.

Последнее же происшествие в череде необъяснимых событий этих двух дней оказалось и вовсе неприятным. Когда Руднев с Белецким уже ехали на вокзал, перед самым их экипажем, которым правил один полицейский агент, а второй сидел на козлах сопровождающим, выскочил молодой чело-

век с болезненным лицом, шальным взглядом и в худом платье. Он выхватил наган и направил на возницу. Второй агент моментально среагировав, выстрелил в нападавшего и ранил его. Тут же появился ещё один казённый экипаж, куда затолкали раненого и экипаж умчался прочь. Всё это произошло так быстро, что даже зеваки не успели собраться.

Далее уже без приключений Руднев и Белецкий были доставлены на вокзал и препровождены в министерский вагон. Едва за ними закрылись двери, поезд сразу тронулся.

Вагон сопровождали четверо в гражданском платье, но с военной выправкой. На станциях они запирали двери и опускали шторы, при этом настойчиво прося путников вагона не покидать и к окнам не подходить. Просьбы эти были более похожи на приказы. Впрочем, и без того путешественники сочли за лучшее соблюдать осторожность.

Руднев снова открыл книгу – это были «Бесы» Достоевского – и понял, что последний десяток страниц прочёл, не осознавая смысла, просто пробегая текст глазами. Перелистав страницы назад, он с завистью посмотрел на Белецкого, сидящего напротив и мирно спящего.

Рациональная натура Белецкого делала его невероятно приспособленным к любым условиям и перипетиям. Несмотря на всю нервотрёпку двух последних дней, он мог вот так вот просто уснуть в неудобной позе, а после – Руднев знал это наверняка – проснуться идеально бодрым и отдохнувшим. Что до Дмитрия Николаевича, то он был человеком

куда более впечатлительным и зависимым от внешних условий. По крайней мере уснуть ему никак не удавалось, да и читать получалось тоже так себе.

Руднев заставил себя погрузиться в хорошо знакомый ему сюжет, стремившийся к своей роковой развязке.

Испорченный коварными бесами губернаторский бал близился к концу… Нелепая «кадриль литературы» закружилась странными масками… И вот уж гости в ужасе прильнули к окнам, и кто-то отчаянно закричал: «Пожар! Поджог! Горит!» … «Горе-то какое!» … «Барыня с дочкой тама»… В лицо Рудневу ударило жаром… От едкой гари перехватило дыхание, а правую его руку обожгло такой адской болью, что он закричал, окончательно задохнувшись в сером с огненными всполохами мареве… Когда же Дмитрий Николаевич уж и вовсе начал умирать в дыму и пламени, сильная рука схватила его за плечо и выдернула из пекла давно отгоревшего пожара в бархатный министерский вагон, мчавшийся по Николаевской дороге из Москвы в Петербург.

– Дмитрий Николаевич!.. Дмитрий Николаевич, проснитесь!

Руднев открыл глаза, увидел склонившегося над ним Белецкого, услышал свой собственный оборвавшийся крик и вцепился в нестерпимо болевшую изуродованную шрамами от ожога правую руку, на которой всегда носил перчатку и никогда не снимал на людях.

– Проснитесь!.. Вам снится кошмар… Дмитрий Николае-

вич!.. Вам больно?

Морок отступил, а в месте с ним и боль.

– Всё в порядке, Белецкий, – проговорил Руднев хриплым со сна голосом и оттер со лба холодный пот. – Просто… Приснилось… Где мы едем?

– Через час будем в столице, – ответил Белецкий, всё ещё с тревогой поглядывая на Дмитрия Николаевича. – Я прикажу подать нам завтрак, а вы пока умойтесь… С вами точно всё хорошо?

– Прекрати меня нянчить, Белецкий, – проворчал Руднев и вышел из купе в открытый тамбур.

Светало.

Влажный холодный сентябрьский воздух враз развеял последние клочья привидевшегося Рудневу кошмара, но на душе у Дмитрия Николаевича по-прежнему было неспокойно. Хотя он и не верил в предчувствия, поездка эта началась слишком тревожно и странно, и он опасался, что продолжение у этой истории тоже будет скверным.

На Николаевский вокзал они прибыли в начале восьмого утра. Те же, кто сопровождали путешественников в поезде, проводили их до ожидавшей у ступеней вокзала кареты с плотно занавешенными окнами.

При виде таинственного экипажа Белецкий пробормотал:

– Просто какой-то Георг Борн…

В карете их ожидал лощёный молодой человек с деловым и несколько надменным выражением лица. Он представился

помощником Ярцева.

После дежурного обмена приветствиями и любезностями молодой человек обрисовал их планы.

– Ваш багаж будет отправлен в «Европу». Это на углу Невского и Михайловской улицы. Любой извозчик знает эту гостиницу, так что вы не заблудитесь…

– Можно без топографических лекций? Я не первый раз в Петербурге и отлично в нём ориентируюсь, – оборвал молодого человека Руднев, которого столичный снобизм их спутника порядком раздражал.

– Прекрасно! – молодой человек нимало не смутился и продолжил всё также манерно. – Итак, вы будете проживать в «Европе», а сейчас я отвезу вас к Алексею Петровичу. Он ожидает вас и велел, чтобы вы были доставлены к нему прямо с поезда.

– Мы едем к Чернышову мосту*? – спросил Руднев.

*(*Примечание. У Чернышова моста на Фонтанке располагалось здание Министерства Внутренних дел Российской Империи).*

– Нет. У Алексея Петровича приёмная на Екатерининском канале.

Они проехали пересечение набережной с Мариинским переулком, и карета остановилась у парадной трехэтажного особняка с белой колоннадой, украшавшей верхние этажи.

Молодой человек провёл Руднева с Белецким по белоснежной мраморной лестнице и оставил ожидать в прием-

ной, где за дежурным столом сидел расфуфыренный адъютант не менее пафосный, чем их провожатый, и перебирал бумаги, демонстративно не обращая никакого внимания на визитёров.

Наконец он оторвался от своего занятия, смерил посетителей строгим взглядом, поднялся из-за стола и, распахнув дверь кабинета, надменно произнес:

– Вас ожидают.

В отличие от своих помощников действительный статский советник Алексей Петрович Ярцев встретил их радушно.

Это был энергичный поджарый человек немногим младше пятидесяти. Несмотря на раннюю седину выглядел он моложаво. Лицо, голос и манеры у него были властные, а взгляд – строгим и внимательным. Одет он был в гражданское платье, но держал себя так, что в нём безошибочно угадывался государственный муж немалого чина. Этот человек очевидно привык, что ему безоговорочно подчинялись, и власть свою воспринимал как должное.

– Благодарю, что нашли возможным приехать так скоро! – произнёс он, протягивая руку сперва Рудневу, потом Белецкому, а после предложил гостям садиться к большому столу для заседаний и сам сел напротив, покинув председательское место во главе.

– Ваше послание не оставляло нам выбора, ваше превосходительство, – ответил Руднев. – Чем обязан интересом к моей персоне?

– Прежде, чем я вам всё объясню, – начал Ярцев, – я должен взять с вас слово, господин Руднев, что вы и ваш помощник сохраните услышанное здесь в тайне до конца своих дней.

– Мы не знаем о чём идёт речь, – возразил Руднев.

Ярцев нахмурился, остро глядя на Дмитрия Николаевича, но тот спокойно выдержал этот взгляд.

– Речь идёт о деле государственной важности, – отчеканил Алексей Петрович. – Вопрос напрямую касается безопасности России. Видите ли, Дмитрий Николаевич, у нас тут всё несколько серьезней, чем ваша местечковая охота на убийц.

– Простите, но это вы меня позвали, – парировал Руднев. – Я на ваши серьезности не напрашивался и вполне довольствовался своими «местечковыми» убийцами. Повторяю вам, ваше превосходительство, прежде чем мы с господином Белецким станем брать на себя какие-либо обязательства, мы должны понять, что именно вы от нас ожидаете и к участию в чём приглашаете. Однако, вы можете быть уверены, что хранить секреты как государственные, так и частные, мы умеем в должной мере.

Ярцев помолчал, раздражённо барабаня пальцами по столу, а после лицо его смягчилось, и он рассмеялся неожиданно задорным и молодым смехом.

– Мне говорили, Дмитрий Николаевич, что вы весьма самоуверенный тип. Впрочем, людям умным дОлжно быть самоуверенными. Это помогает снижать общий градус обще-

человеческой глупости, – заявил Ярцев и снова посерьёзнел. – Что ж, я рассчитываю на ваше благородство, господа… И на ваше благоразумие.

Он сделал выразительную паузу, чтобы смысл его намёка однозначно дошёл до собеседников.

– Мы знаем, с кем имеем дело, – ответил Руднев.

– В таком случае, мы друг друга поняли, – резюмировал Ярцев. – Итак, я пригласил вас, господа, в связи с исчезновением этого ребенка.

Алексей Петрович протянул Рудневу фотографию девочки-подростка в форменном платьице и белом фартучке. Черты лица девочки были очевидно иноземными, несколько резкими и жесткими.

– Кто она? – спросил Дмитрий Николаевич, передавая фотографию Белецкому.

– Стефка Карагеоргиевич, дочь сербского короля Петра Карагеоргиевича. Она пропала из пансиона Святой Анны. Её исчезновение пока удается держать в тайне, но если история всплывёт, это может подхлестнуть волнения на Балканах. Сербы устроят очередной демарш против Вены, потребуют поддержки от Петербурга. Россия столкнется лбами с Австрией, а вслед за тем и с Германией, и наша страна окажется на пороге войны.

Ярцев произнес всё это ровно, на одном дыхание, словно пересказал либретто модной оперы, и далее смолк, удовлетворённо наблюдая оторопелое выражение на лицах своих

собеседников.

– Вы готовы помочь остановить войну, господа? – спросил он с пафосом.

Руднев некоторое время молчал, а потом тихо, но очень внятно ответил:

– Мы готовы помочь спасти ребёнка.

Глава 3

Ярцев изложил суть дела чётко и ясно.

Стефка Карагеоргиевич вместе со своими старшими братьями Георгием и Александром учились в Петербурге по приглашению Николая II, пока её отец в европейском изгнании сперва вынашивал планы свержения династии Обреновичей, а после, благодаря офицерскому бунту, смог наконец-то занять трон, от которого ещё ранее отрекся дед Стефки. Сыновья короля после коронации отца вернулись вместе с ним в Белград, а дочь, на тот момент отучившаяся в пансионе всего лишь год, осталась в России под патронажем императорской семьи. Девочка значилась в школе под фамилией своей августейшей бабки как Стефка Ненадович.

Исчезновение ребёнка произошло ночью из лазарета, куда Стефка попала накануне из-за вывихнутой ноги. Свидетелей происшествию не оказалось. Девочка была в палате одна, а дежурившей в ту ночь в лазарете сестре подмешали снотворного, да в такой дозе, что на утро её насилу откачали. Впрочем, заметил Ярцев, это не исключает участия дежурной в заговоре, так что в настоящее время женщина изолирована и находится под присмотром вверенных ему служб.

– Помимо дежурной сестры про инцидент в школе знают всего три человека: начальница, врач, ещё одна сестра из лазарета. Двое последних также пока изолированы. Началь-

ницу, Юлию Павловну Опросину, отстранить от службы не представляется возможным, кроме того, она не менее нас заинтересована сохранить происшедшее в тайне. Учителям и воспитанницам исчезновении Стефки объяснено тем, что её отправили долечиваться к родственникам.

– Кто ещё посвящен в эту историю? – спросил Руднев.

– Помимо лично государя, только я и агенты Особого отдела. Всего шесть человек. Ну, и вы, господа… Почему вы задали этот вопрос, Дмитрий Николаевич?

– Позвольте, прежде чем ответить, спросить вас ещё кое о чём?

– Извольте.

– От чего вы вызвали именно меня? Не думаю, что дело исключительно в моем сыскном таланте.

– Вы правы, – согласился Ярцев. – Я решил привлечь вас не только потому, что вы хороший сыщик, но и потому что вы лицо неофициальное и в Питере известны разве что как художник. Ваше участие в деле позволит обеспечить ему несравненно большую секретность, нежели расследование силами здешних агентов.

– Вы опасаетесь утечки?

– До некоторой степени… Так почему вы спросили про осведомленных лиц?

– Потому что утечка уже произошла, и мне бы хотелось понимать, кто мог быть её источником, – Руднев выжидательно посмотрел на Ярцева, тот нахмурился.

– Почему вы уверены в утечке?

Дмитрий Николаевич рассказал про записку, брошенную вместе с камнем в окно его дома, и про неудавшееся покушение по дороге на вокзал.

Ярцев выслушал его не перебивая.

– Это «Черная рука», – заявил он по окончании рассказа Руднева.

– Кто?

– Знаете кто такой Апис?

– Нет.

– Драгутин Димитриевич по кличке Апис возглавил в 1903 году свержение с сербского престола Обреновичей и лично участвовал в убийстве короля Александра и королевы Драги. Он посадил на трон Петра Карагеоргиевича, а теперь плетёт интриги и против него. Апис организовал тайную организацию под названием «Черная рука», которая вроде как настроена объединить южных славян и освободить Балканы от гнёта Габсбургов. На деле же это террористическая организация, которая стремится утопить европейские монаршие дома в крови и перелицевать Европу по какому-то непостижимому замыслу этого авантюриста.

– Простите, ваше превосходительство. Это всё очень познавательно, но мне неинтересна политика, – перебил Ярцева Дмитрий Николаевич. – Не могли бы вы объяснить, каким образом эта ваша «Черная рука» оказалась на Пречистенке?

– Объяснение только одно: они причастны к исчезнове-

нию Стефки.

– Допустим. Но как они узнали про меня?

Ярцев снова принялся барабанить пальцами по столу.

– Утечка, – наконец констатировал он. – Вы правы, Дмитрий Николаевич, имела место утечка. Однако, это не ваша забота. С этим разберусь я. Вы же должны найти ребёнка. Надеюсь, все эти демарши сербских радикалов вас не напугали, и вы не откажетесь от участия в деле?

Эта откровенная манипуляция чиновника Особого отдела Рудневу не понравилась.

– В этом деле меня больше смущают не сербы, – холодно произнёс он, и туманные его глаза враз сделались острыми и гневными.

Ярцев примирительно поднял руки.

– Простите, Дмитрий Николаевич, я не хотел вас обидеть! Я благодарен вам… и вам, господин Белецкий… за то, что вы согласились помочь! Просто я привык приказывать, а не просить, так что не обессудьте, если иной раз мои слова покажутся вам грубостью… Мы можем продолжать разговор, господа?

Руднев сдержано кивнул, давая понять, что извинения приняты, и Алексей Петрович перешел к сути своего плана.

– Поиск девочки я предполагаю вести в двух направлениях. Во-первых, через агентурные каналы здесь, в Петербурге, и Белграде. Очевидно, что похищение Стефки имеет политический подтекст. Необходимо понять, кто за всем этим

стоит. Но этот путь недопустимо долгий для жизни и безопасности ребёнка. Поэтому нужно попытаться зайти с другой стороны, а именно, через школу. Очевидно, что похищение не могло быть совершено без участия кого-то в пансионе. Для этой задачи вы мне и нужны.

– И как по-вашему мы должны найти злоумышленников в школе?

– Для этого вам придётся постичь нелёгкое ремесло учителей, – без тени улыбки ответил Ярцев.

– То есть?

– То есть в пансионе Святой Анны внезапно образовалась вакансия учителя рисования… Не беспокойтесь, с прежнем учителем ничего плохого не случилось. Он прекрасно проводит время на даче в Выборге… Возникшую же вакансию временно займете вы, Дмитрий Николаевич, это уже согласовано с Юлией Павловной. Что до вас, Фридрих Карлович, то вы, насколько нам известно, сильны в немецком? Думаю, учительнице немецкого в Выборге тоже покажется уютно… Что скажете, господа?

Руднев с Белецким переглянулись.

– Это неожиданно, – признался Дмитрий Николаевич. – Но план видится мне разумным.

– Вот и отлично! Значит, завтра же вы отправляетесь в пансион Святой Анны, – заключил Ярцев. – В десять утра за вами приедет экипаж и вас отвезут в Голицынский дворец, где расположена школа. Далее вам придётся действовать со-

образно собственным соображениям. Отчёты для меня будете направлять вот на этот адрес. Запоминайте, – Алексей Петрович характерным размашистым почерком написал на листе бумаги адрес, показал Рудневу и, когда тот кивнул, смял лист и сжёг в пепельнице.

– А в случае экстренных обстоятельств? – спросил Дмитрий Николаевич.

– В таком случае отправьте сообщение через любого полицейского, назвав моё имя, или звоните на этот номер, – Ярцев написал цифры, показал Рудневу и снова сжёг бумагу. – Ещё вопросы, господа?

Дмитрий Николаевич несколько секунд помолчал, глядя мимо Ярцева, а потом сухо спросил:

– Вы уверены, ваше превосходительство, что девочка ещё жива?

– Нет, – резко ответил Алексей Петрович, а после добавил, – Но для политической игры она нужнее живая, и это вселяет надежду.

Ярцев поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Руднев с Белецким вышли из особняка с белой колоннадой и, кажется, только теперь Дмитрий Николаевич в полной мере ощутил, что он в Петербурге.

Хотя Руднев никогда бы не променял милую его сердцу Москву на столицу, Санкт-Петербург он любил. Ему нравились в нём отличная от суетливой Москвы степенность, монументальность и размытая приглушённость красок.

– Пойдем пройдемся, – предложил он Белецкому, и тот без особого энтузиазма согласился.

Они прошли по небрежной Екатерининского канала до Вознесенского проспекта, перешли Мойку по Синему мосту, обошли гнетущую серую громаду Исаакиевского собора и свернули в Александровский сад, уже блиставший осенним сусальным золотом.

День выдался яркий и солнечный. Сверкающий шпиль Адмиралтейства силился дотянуться до сентябрьской лазури северного неба. Серебристые струи фонтанов искрились миллионом радужных бликов, а их звенящий шелест нашёптывал фланирующим горожанам и туристам подслушанные под сенью вековых лип секреты множества их предшественников.

Друзья вышли на Адмиралтейскую набережную и дошли до Дворцового моста.

– Удивительное место, – проговорил Руднев, остановившись у парапета и глядя на то, как стрелка Васильевского острова разбивает воды Невы на Большую и Малую. – Здесь будто водоворот, в которое время затягивается со всеми своими радостями и горестями. Кажется, что сама вечность в этих течениях растворена. Зачерпнешь пригоршню воды, и вся история Российская от Петра Великого сквозь пальцы пробежит.

– Я бы не советовал вам, Дмитрий Николаевич, здесь воду черпать, – отозвался Белецкий с брезгливой миной.

– Ох, Белецкий! Я же метафорически. Неужели тебя этот вид не трогает?

– Нет. Вы же знаете, что я не люблю Питер.

– Знаю, но до сих пор понять не могу, чем он тебе не угодил.

– Да что в нём хорошего? Серость, сырость, меланхолия да простуда.

– А как же дворцы, парки, проспекты? Ты посмотри, какой здесь простор и масштаб!

– Я бы сказал, напыщенность и помпезность.

– Ну, знаешь! Это, в конце концов, столица. Ей парадность положена… Ты лучше посмотри, сколько здесь неба! Я думаю, Петра Алексеевича небо в первую очередь и поразило в этих землях. Море и небо!

– Море? Это вы, Дмитрий Николаевич, про Маркизову-то лужу?

– Белецкий! Что ты, право! Здесь вон в Невскую губу фрегаты заходят и крейсеры, а ты: «Лужа»! Ты только представь, вот прямо отсюда, с того места, на котором мы с тобой сейчас стоим, можно выйти в Балтику, а дальше – в Северное море, а из него – в Атлантику, а там уж хоть вокруг всего света… Поплывём вокруг света, Белецкий?

– Нет уж! Это без меня.

– И почему же вдруг?

– Потому что всю эту вашу кругосветную экспедицию я промучаюсь морской болезнью. Я человек сухопутный, так

что на морские приключения меня не уговаривайте.

– Ладно! Как скажешь! – рассмеялся Руднев. – Тверди в Питере тоже предостаточно. Куда бы ты хотел пойти сегодня?

– Никуда, – хмуро отозвался Белецкий. – Я предпочел бы засесть в номере с книгой.

– Белецкий, будет тебе! В конце концов, нам тут придётся задержаться. Так что давай, настраивайся на бодрый лад!

Белецкий покачал головой.

– Простите, Дмитрий Николаевич, но изменить свое отношение к этому городу не в моей власти. Здесь какая-то слишком уж гнетущая для меня атмосфера. По мне, так здесь и жить грустно, и умирать тоскливо.

Дмитрий Николаевич озабочено взглянул на друга.

– Ты что это, Белецкий? Помирать собрался?

– Нет, – поспешил откреститься Белецкий. – Это я так просто, на перспективу.

– Не нравится мне твоя перспектива! Прекрати хандрить! Это всё дорога и история с похищенным ребёнком тебя из колеи выбили… Вот что! Сегодня вечером отправляемся ужинать к Кюба. Заказываем… да что угодно! Сам выбирай! А к нему бутылку Родерера. Как тебе моя перспектива?

– Звучит заманчиво, – похвалил Белецкий. – Но я больше люблю Моёт.

– Значит будем пить Моёт!

И друзья пошли в сторону шумного Невского мимо Двор-

цовой площади и здания Генштаба.

Руднев развлекал Белецкого пустячными разговорами, пытаясь развеять его дурное настроение, и при этом оба они старательно избегали темы преступления, из-за которого оказались в столице. Им не хотелось думать о Ярцеве с его Особым отделом и сербах с их вездесущей «Чёрной рукой». Однако, если бы они так старательно не гнали от себя эти мысли, а, наоборот, придали бы им значение, то наверняка бы заметили странных людей, которые следовали за ними по пятам, сменяя друг друга, прячась за газетами и афишными тумбами. Эти таинственные личности сопроводили их в «Европу», а вечером и в «Кюба». И даже когда утром за ними приехал экипаж, чтобы отвезти в пансион Святой Анны, двое соглядатаев провожали их взглядом от дверей гостиницы, а ещё двое пристроились в хвосте их коляски.

Глава 4

Юлия Павловна Опросина, высочайшим повелением вот уже пятнадцать лет возглавлявшая пансион Святой Анны, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины и бывшая фрейлина при дворе её императорского величества Марии Фёдоровны, оказалась женщиной исключительно суровой и властной.

Пышные её формы были затянуты в чопорный чёрный атлас, оттенённый лишь тонкой полоской кружевного воротника. Густые тяжёлые волосы с заметной сединой, уложенные в строгую, несколько старомодную прическу, открывали высокий благородный лоб, пересеченный глубокими морщинами. Светлые глаза надменно смотрели из-под нахмуренных бровей. Уголки тонкогубого рта были скорбно опущены. В лице Юлии Павловны сохранились ещё признаки былой красоты, очевидно, и в молодости ледяной и неприступной.

Опросина встретила Руднева и Белецкого крайне холодно.

– Я говорила его превосходительству господину Ярцеву, что считаю его план неприемлемым, – заявила она, едва те успели ей представиться.

Разговор происходил в кабинете директрисы, строгом и аскетичном. Юлия Павловна сидела за письменным столом, а Руднев и Белецкий, которым не было предложено сесть, стояли перед ней словно два провинившихся гимназиста.

– Что же вас смущает в его плане, мадам? – уточнил Руднев, несколько обескураженный оказанным приёмом.

– В первую очередь, вы, Дмитрий Николаевич, – сухо отчеканила начальница пансиона.

– Простите, мадам, но я вас не понимаю. Чем вас не устраивает моё участие в расследовании?

– До вашего участия в расследовании, господин Руднев, мне нет никакого дела, – резко ответила Юлия Павловна. – Но ваше присутствие в школе абсолютно недопустимо, не говоря уже о привлечении вас к образовательному процессу.

– Почему же, мадам? – совершенно уж растерялся Дмитрий Николаевич.

– А вы не понимаете? – Опросина сердито поджала губы. – Начать хотя бы с вашей живописи, Дмитрий Николаевич!

– А что не так с моей живописью?

Начальница всплеснула руками.

– Она ужасна, сударь!

На лице Дмитрия Николаевича появилось такое ошарашенное выражение, что Белецкий, редко поддающийся веселости, едва сдержал смех и закашлялся, чтобы скрыть улыбку.

Руднев никогда не был тщеславен, но честолюбия в нем было с избытком, а потому его откровенно задела неожиданно резкая оценка его творчества, которое он пусть и не считал великим, но цену ему знал и видел вполне себе достойным, что подтверждалось не только его личным суждением,

но и мнением сторонним и авторитетным.

– Это дело вкуса, мадам, – ответил он уязвленно.

– Я говорю не о вашем художественном мастерстве, господин Руднев, – внесла ясность Юлия Павловна. – Об этом я судить не готова. Но я считаю неприемлемыми сюжеты ваших картин. Они… Они возмутительно чувственны и откровенны! Возможно, такое допустимо в будуарах полусвета, но не в стенах благородного пансиона.

Руднев, успевший усмирить задетое самолюбие, попытался обратить мысли начальницы в рациональное русло.

– Мадам, какое значение для расследования имеет направление моей живописи? Поверьте, я умею рисовать яблоки, греческие амфоры и осенние пейзажи, а ничего более смелого, уверяю вас, я вашим воспитанницам на уроках рисовать не предложу.

– В этом я не сомневаюсь, сударь, но девочки могут знать, что вы рисуете не только яблоки! Они могли видеть ваши картины! Представляете, какие волнения это вызовет в их юных невинных душах? Их учитель рисования – художник, который изобразил подвиг Леди Годивы* и игрища юного Диониса.

*(*Примечание. Леди Годива – англосаксонская графиня жившая в XI веке, которая, согласно легенде, проехала обнажённой по улицам города Ковентри ради того, чтобы её супруг снизил непомерные налоги для своих подданных.)*

– Мадам, вы переоцениваете мою известность, – возразил

Руднев. – Я не Врубель и не Брюллов. Вашим воспитанницам моё имя ничего не скажет.

– Искренне надеюсь, что так! – отчеканила Опросина. – Хотя сейчас некоторые родители бывают крайне безответственны, и их подход к формированию в детях хорошего вкуса абсолютно легкомысленен. Однако, даже если отвлечься от вашего творчества, вы всё равно наихудший кандидат в учителя, какого только можно себе представить.

– Почему?

– Вы молодой и красивый мужчина! – сурово произнесла директриса таким тоном, будто бы обвиняла Дмитрия Николаевича в непростительном пороке.

Белецкий снова предательски закашлялся, а Руднев уже и не знал, что более: злит или забавляет его ханжество Юлии Павловны.

– Приходится с этим жить! – не сдержав сарказма, ответил он.

Опросина гневно сверкнула глазами.

– Дмитрий Николаевич, вы представляете себе, что такое девочка-подросток или совсем юная девушка? Вам когда-нибудь приходилось общаться с таким существом близко? – спросила она, не подозревая, что касается темы для Руднева болезненной.

– У меня была сестра, – сухо ответил он. – Но она была старше меня на шесть лет и отрочество свое провела в закрытой школе во Франции. Так что думаю, ответ – нет.

– Была?

– Она погибла.

– Простите, я не знала. Однако, возвращаясь к нашему вопросу, должна вам объяснить, что девочки склонны к романтическим фантазиям и влюбчивости.

– И что в этом плохого?

– Это недопустимо для порядочной девицы! – безапелляционно заявила Юлия Павловна. – Это неприлично! Я не смею допускать такого в стенах вверенного мне пансиона. Выпускницы нашей школы – это светские барышни, умеющие держать себя в руках, блюсти свою честь и не поддаваться страстям. Это будущие жены и матери. Это достоянная опора для своих мужей и для России…

– Это всё прекрасно, мадам, – Дмитрий Николаевич бесцеремонно перебил вошедшую в раж директрису. – Если в вашей школе бытуют такие строгие правила и благочестивые нравы, стоит ли вам беспокоиться из-за моей скромной персоны? Обещаю быть с девочками примерно строгим и требовательным, дабы у них не возникало повода для симпатий ко мне.

Но Юлия Павловна не сдавалась.

– Вы не понимаете, о чём говорите! Поверьте моему опыту, как бы вы себя ни повели, вы будете являться массовым возмутителем спокойствия!

Терпение Дмитрия Николаевича иссякло.

– Юлия Павловна, позвольте вам напомнить, что я здесь

ради расследования похищения одной из ваших воспитанниц, которой ко всему прочему покровительствует августейшая семья. И коль скоро вас тревожит спокойствие в стенах вашей школы, вам следует оказывать мне полное содействие, а не препятствовать. Согласитесь, что моё присутствие здесь, как бы неодобрительно вы к нему не относились, всё-таки меньшее зло, чем официальное расследование. Поэтому я буду крайне признателен вам, если вы проявите терпимость и понимание. Со своей же стороны мы с господином Белецким обещаем вести себя предельно корректно и полностью полагаться на ваши рекомендации в педагогических и воспитательных вопросах.

Опросина, явно не привыкшая, чтобы ей указывали, надменно молчала, испепеляя Руднева взглядом, но того это нимало не смутило.

– Для начала мне необходимо увидеть личные дела всех работников школы, простите мадам, начиная с вас и заканчивая младшей кухаркой, – заявил он. – Далее я прошу представить нас с Фридрихом Карловичем учителям и воспитательницам. Будет лучше, если вы не станете говорить, что мы в школе лишь временно. Пусть все считают, что мы приняты на длительный срок. Это подтолкнёт ваш персонал сойтись с нами ближе. Что касается воспитанниц, для нас крайне важно иметь возможность общаться с одногодками Стефки Ненадович.

– Вы станете допрашивать детей? – презрительно проце-

дила Юлия Павловна.

– Мы никого не собираемся допрашивать, тем более ваших воспитанниц. Но нам будет необходимо вызвать их на откровенность. Другого способа выяснить обстоятельства дела у нас нет.

– Девочки не осмелятся поднять на вас глаза, и уж тем более заговорить с вами, – прошипела Опросина. – Мужчины среди наших учителей либо в преклонных годах, либо имеют значительные внешние изъяны. Вы же, господа, не достигли еще и средних лет и существенными недостатками внешности не облаете. Общение с такими как вы табу для наших воспитанниц. По крайне мере в стенах школы.

Дмитрий Николаевич неторопливо стянул с правой руки перчатку, обнажив чудовищные шрамы, уродовавшие его руку.

– Этого достаточно, чтобы вы сняли запрет на общение со мной? – ледяным тоном спросил он.

Юлия Павловна вздрогнула и отвела глаза.

– В этом нет необходимости, – ответила она, и в голосе её мелькнула тень замешательства. – Сожалею, если у вас сложилось впечатление, господа, что я хотя бы в малой степени намерена препятствовать вашему расследованию. Но вам должно понять и меня. Происшествие с одной из воспитанниц – несомненная трагедия для школы, но под моей ответственностью находится без малого сотня девочек. Моя обязанность защитить их от потрясений.

Руднев надел перчатку.

– Мадам, обещаю вам, что мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы беспокойства, причиненные школе и самим похищением, и его расследованием были минимальны. Более всего мы постараемся вывести из-под удара детей. И вы очень облегчите нам эту задачу, если станете сотрудничать с нами и доверять нам. Мы очень нуждаемся в вашей помощи, Юлия Павловна!

Директриса прерывисто вздохнула.

– Бог вам в помощь, господа! – сказала она, сняла ключ с прицепленной к карману цепочки и протянула Рудневу. – Вон в том шкафу заперты личные дела персонала школы. Можете брать их, когда сочтёте нужным. Через два с половиной часа закончится первая половина занятий. У девочек будет обед и прогулка, а педагогов и старших воспитательниц я соберу в учительской, чтобы представить вас. Пока же я велю проводить вас в ваши комнаты. Располагайтесь, господа, и не смейте опаздывать на учительский совет.

Педагогический коллектив Аничкиной иколЕ – с легкой руки горничной Руднев с Белецким уже знали, что воспитанницы, а вслед за ними и все остальные называют пансион Святой Анны исключительно так – состоял из четырнадцати учителей и девяти старших воспитательниц, над которыми главенствовала инспектриса, она же – помощница начальницы пансиона.

Несмотря на высказанные Юлией Павловной строгости в

отношении педагогов мужского пола, таковых была аккурат половина, а с учётом того, что Белецкому предстояло замещать учительницу немецкого, мужчины оказывались в большинстве. Трое из них – учителя русской словесности, истории и биологии – были глубоко пожилыми людьми, сменившими на старости лет неугомонную бодрость гимназии на спокойную атмосферу девичьего пансиона.

Самым старшим был учитель биологии, маленький и сухонький старичок с очень добрым лицом и таким же нравом, пользовавшийся всеобщим уважением и обожанием не только за свой теплый характер, но и за восхитительную способность излагать предмет доходчиво и интересно. Старик имел весьма эксцентричное увлечение. Был он таксидермистом, и коллекции чучел в его кабинете позавидовал бы даже зоологический музей.

Учитель истории, напротив, популярностью ни у воспитанниц, ни у коллег не пользовался. Чванливый и спесивый, он относился с глубочайшим презрением к тому, кто не мог вспомнить строгую последовательность событий войны за австрийское наследство или перечислить все греческие города-государства, взбунтовавшиеся против Ахеменидов. Невзирая на личности, он всячески демонстрировал «презренным невеждам» свое отношение в язвительных и высокомерных замечаниях. Был он среднего роста и телосложения, и, несмотря на почтенный возраст, сохранил гордую и величественную осанку.

Учителя русской словесности отличали невероятная тучность и невиданной пышности седые бакенбарды. Он был в меру строг и в меру увлечён своим предметом, и давал девочкам добротное знание родного языка и литературы, однако чрезмерно не усердствовал, понимая, что языком выпускниц пансиона во взрослой их жизни преимущественно станет язык Вольтера.

Ещё трое учителей-мужчин – музыки, физики и математики – были значительно моложе.

Музыке и пению девочек учил обрусевший француз, говоривший по-русски с забавным грассирующим акцентом. Это был долговязый угловатый тип с длинным носом, оттопыренными ушами и огромной залысиной, которую он пытался замаскировать зачёсанными сбоку жалкими остатками шевелюры. По натуре своей француз относился к тем, про кого говорят: «Не от мира сего». Он страстно был увлечен музыкой, владел игрой на множестве инструментов и лелеял мечту взрастить лучший девичий хор если уж не в Европе, то, по крайней мере, в Матушке-России. Для воспитанниц этот несуразный человек был неизменным предметом для шуток, хотя и относились к нему девочки с симпатией.

Законы Ньютона, а заодно и азы географии, воспитанницы постигали под руководством хмурого преподавателя средних лет, мрачного и внешне, и по характеру. Этот невзрачный человек отличался нелюдимостью и неразговорчивостью. Он никогда не смотрел на своего собеседника и

имел неприятную привычку внезапно и абсолютно беззвучно появляться за спиной в самый неподходящий момент, отчего девочки его до дрожи боялись, а коллеги просто тихо недолюбливали.

Самым младшим среди учителей-мужчин был преподаватель математики. Этот молодой человек всего три года как закончил университет, но перспектив на устройство личной жизни, увы, не имел из-за врожденного уродства. Он был горбуном, а кроме того его левая нога была заметно короче правой, отчего при ходьбе он был вынужден опираться о костыль. Жестокая судьба оставила свой неизгладимый отпечаток вечной скорби на его лице, да и характер у него был желчный и всеобъемлюще обиженный. Впрочем, как педагог он был очень талантлив, и, хотя любовью у своих учениц не пользовался, предмет давал им великолепно.

Дамская половина педагогического коллектива Аничкиной иколе состояла преимущественно из женщин крайне строгого облика и уже не молодых. Исключение составляла учительница итальянского, хрупкая, энергичная и страсть какая разговорчивая уроженка Апеннин. Русского она вовсе не знала, поэтому заговаривала до смерти на французском, а тому же, кто владеет итальянским, спасения от её навязчивого общения и вовсе не было. Воспитанницы относились к ней с иронией, а младшие так и вовсе передразнивали.

Учительницей французского была дама лет тридцати пяти, сухая и кислая. Хотя была она русской, говорила со все-

ми исключительно по-французски, причём как-то до неестественности правильно и сложно. Девочкам она постоянно делала замечания то за грамматику, то за произношение, да и взрослым периодически бесцеремонно указывала на ошибки и неточности.

Этикет и домоводство преподавали две закадычные подруги, чем-то даже похожие друг на друга. Это были пышные миловидные дамы, уже преодолевшие сорокалетний рубеж, но сохранившие бодрый и жизнерадостный нрав, любившие пошутить, но всегда незлобиво. У воспитанниц с ними были самые доверительные отношения из всех учителей, а выпускницы пансиона даже писали им письма, поверяя бывшим наставницам свои уже взрослые тайны.

Крайне необычным персонажем была преподавательница гимнастики. Низенькая, плотная и непоседливая, она напоминала щенка породы боксёр. Это сходство усиливала её неугомонная энергия и страсть к активному времяпрепровождению. Всякую свободную минуту она организовывала девочек играть в мяч или новомодный теннис, зимой гоняла их на лыжах или на коньках. Сама же экстравагантная дама ездила на велосипедные прогулки и, обряжаясь в какой-то диковинный костюм из цветастого шёлка, ежедневно по утрам делала на поляне перед спортивным залом или в зимнем саду затейливую восточную гимнастику.

Самым грозным педагогом в Аничкиной иколе оказалась учительница танцев. В прошлом эта женщина блистала на

сцене Мариинки и, как поговаривали, подавала большие надежды, но безжалостный фатум жестоко оборвал её творческую карьеру. С ней произошёл несчастный случай, в результате которого она повредила ногу. Травма оказалось настолько серьёзной, что перспективной балерине пришлось покинуть сцену и заняться преподаванием. Смириться со своим несчастьем она так и не смогла и обиду на судьбу вымещала на ученицах и всех прочих, оказавшихся подле неё. С воспитанницами она была строга до жестокости, бездушно выставляя на посмешище их изъяны и неловкости как на уроках, так и при любом удобном случае, иной раз доводя этим девочек до слёз. Сама она была, пожалуй, даже красива, сохранив изысканную грацию фигуры, воздушную легкость походки и царственную осанку. Лицо её тоже могло бы показаться прелестным, кабы не его ледяное и бессердечное выражение, никогда не сходившее и не смягчающееся.

Старшие воспитательницы пансиона Святой Анны в своем большинстве сами были выпускницами этой школы, не получившие в своё время перспектив успешного брака. Практически все они, как на подбор, были чопорны и требовательны, глядели сурово и держали себя крайне холодно. Они носили одинаковые строгие серые платья с большими отложными воротниками, а на шее у них висели свистки. Волосы их были убраны в гладкие тугие пучки. Они не надевали никаких украшений и имели привычку говорить чуть тише, чем это было комфортно для собеседника, что вынуж-

дало тщательнее прислушиваться к их словам.

Над воспитательницами главенствовала инспектриса, вызывающая и у детей, и взрослых обитателей школы больший трепет, чем сама начальница. Это была высокая статная женщина, не достигшая ещё сорока, но выглядящая значительно старше своих лет из-за вечно нахмуренных бровей, поджатых губ и холодного взгляда. У неё был резкий высокий голос, который в купе с надменной манерой разговора, делал общение с ней крайне неприятным. Эта женщина никому и никогда не говорила ничего лицеприятного, а, напротив, при любом разговоре находила повод укорить. Всех и каждого она постоянно в чём-то подозревала и, не задумываясь, кидалась обвинениями, нимало не заботясь, справедливы они или нет. Больше всех от неё доставалось обслуге и воспитательницам, а что касается воспитанниц, то здесь она редко опускалась до частных провинностей отдельных девочек, зато именно она была сочинителем самых суровых и унизительных наказаний.

Вот в таком обществе оказались Руднев с Белецким, когда минута в минуту явились к назначенному времени в учительскую.

– Дамы и господа, хочу вам представить двух новых педагогов, которые заменят – пока неизвестно на какой срок, возможно, что на длительный – наших выбывших коллег, – произнесла Юлия Павловна и одарила новичков требовательным и суровым взглядом, – Фридрих Карлович Белецкий

станет учить наших воспитанниц немецкому, а Дмитрий Николаевич Руднев – изобразительному искусству. Поскольку Фридрих Карлович и Дмитрий Николаевич ранее не имели опыта преподавания в девичьем пансионе, я попрошу вас, Анна Сергеевна, и вас, Алексей Алексеевич, взять над ними кураторство и всячески способствовать скорейшему освоению ими всех правил нашего заведения.

Последние слова были адресованы Анне Сергеевне Беловой, инспектрисе, и Алексею Алексеевичу Таранухе, учителю физики и географии.

Учителя и воспитатели рассматривали новичков с нескрываемым интересом, а оба новоявленных куратора воззрились на подопечных с откровенным недовольством. Руднев же с Белецким держались спокойно, лишь сдержано поклонившись всему обществу и отдельно своим новым наставникам.

– Руднев? – надменно пробасил учитель истории Константин Францевич Гольц. – Знаменитая фамилия. Известно ли вам, молодой человек, что ваш однофамилец был великим человеком, открывшим для российской науки Алтайские земли?

– Известно, – с достоинством ответил Дмитрий Николаевич. – Только это был не мой однофамилец, а мой отец, Николай Львович Руднев. Мне приятно слышать, что вы, как историк, так высоко цените его вклад в отечественную науку.

Почувствовавший себя уязвлённым не только что посвя-

щенностью, но даже и причастностью Руднева к узкой исторической теме, знанием которой Константин Францевич намеревался блеснуть, историк надулся и демонстративно уставился в окно.

Разбор же биографии Дмитрия Николаевича продолжился. Эстафету подхватила Владиана Степановна Грачевская, бывшая звезда Мариинской сцены:

– Как интересно, Дмитрий Николаевич! Так может, и художник-модернист Руднев – не просто ваш однофамилец?

Дмитрий Николаевич сдержанно улыбнулся и отвесил Грачевской краткий поклон.

– Польщён вашей осведомлённостью, сударыня. Да, я тот самый художник, которого вы изволили вспомнить.

– О! Не может быть! Вы настоящий художник! Это так восхитительно! – зачастила на темпераментной смеси французского и итальянского сеньорита Беттина Галлиани, учительница итальянского.

По сравнению с немецким и французским, которыми Руднев владел в совершенстве, его познания в итальянском были довольно посредственны, но всё-таки достаточны для ведения незатейливого светского разговора.

– Благодарю вас, сеньорита, – ответил он на языке Данте. – Надеюсь, что и на преподавательской стезе я тоже смогу заслужить эпитета «настоящий».

– Так у вас нет опыта преподавания, Дмитрий Николаевич? – резко спросила инспектриса, глядя при этом не на

Руднева, а на Юлию Павловну.

– Увы, Анна Сергеевна, мой опыт ограничен лишь единичными частными урокам, – невозмутимо признал Дмитрий Николаевич. – Но я уверен, что под чутким руководством вас и уважаемого Алексея Алексеевича я в кратчайший срок смогу стать учителем, в полной мере отвечающим высоким требованиям пансиона Святой Анны.

Белова презрительно фыркнула и обратилась к Белецкому:

– Ну, а вы, Фридрих Карлович? Ваш опыт столь же ущербен?

– Отнюдь, – возразил Белецкий. – Я был преподавателем и воспитателем по крайней мере десять лет.

– Все двадцать, – поправил его Руднев.

Белецкий пожал плечами.

– Ну, если *вы* так говорите, Дмитрий Николаевич, – согласился Белецкий. – Как видите, Анна Сергеевна, я куда более опытный педагог, чем мой коллега. Однако, я также рассчитываю на вашу помощь и наставничество, равно как и на содействие Алексея Алексеевича.

Инспектриса Белецкого очевидно не слушала, полностью сосредоточившись на Опросиной, которая в ответ напряженно смотрела на свою помощницу. Во взгляде директрисы сквозило с трудом сдерживаемое раздражение.

– Позвольте задать вам вопрос, Юлия Павловна? – понизив голос еда ли не до шёпота, спросила Белова. – Кандида-

туры этих, с позволения сказать, учителей точно прошли согласование попечительского совета? А если и прошли, известен ли господам попечителям уровень их профессиональных навыков и видели ли они их?

Опроксина гневно сверкнула глазами.

– Ваша озабоченность похвальна, Анна Сергеевна, – резко осадила она свою помощницу. – Но вы вмешиваетесь не в свой вопрос. Я бы рекомендовала вам сосредоточиться на вверенных вам воспитателях, тем более, что события последних дней свидетельствуют о том, что в вашей епархии не всё благополучно. И хотя это меня и беспокоит, я не позволяю себе сомневаться в *вашем* выборе, нравится он мне или нет.

Анна Сергеевна вспыхнула, а после побледнела.

– Простите, мадам, – произнесла она, но в голосе её раскаяния слышно не было.

Внимательно наблюдавший за этой сценой, Дмитрий Николаевич заметил, что одна из воспитательниц, самая младшая из всех, при словах директрисы отчаянно смешалась, покраснела и потупила глаза.

Это была совсем еще молодая женщина лет двадцати пяти, стройная и миловидная. Красавицей назвать её было, пожалуй, нельзя, но лицо её привлекало спокойной благородностью черт и сдержанным достоинством. У неё были очень выразительные небесно-голубые глаза, умные, нежные и немного печальные. Держалась она напряжённее и заметно

скромнее остальных воспитательниц.

Неловкую ситуацию внезапно прервал Михаил Петрович Мещеряков, учитель биологии и ветеран Аничкиной иколе.

– Дмитрий Николаевич! Фридрих Карлович! Я так понимаю, вы ведь сегодня уроков не имеете? Так может, вы будете столь любезны и поможете мне? У мне две насущные проблемы аккурат под ваши способности. Орнитологическая и герпетологическая таблицы пришли в полную негодность, может, Дмитрий Николаевич, вы будете столь любезны, что возьметесь их перерисовать? А вас, Фридрих Карлович, я бы попросил просмотреть статью в «Zoologie». Там профессор Фальцмеер опубликовал интереснейшую работу о ночных насекомых, но уж больно у герра профессора язык тяжёлый. Мне нужна консультация в плане перевода некоторых фрагментов. Не откажете, коллеги?

Руднев с Белецким, естественно, выразили свое самое активнейшее согласие помочь преподавателю биологии и покинули учительскую, где воздух все ещё звенел от яростного противостояния двух сильных и властных женщин.

Глава 5

Дмитрий Николаевич вошёл в класс и оробел.

Вообще-то Руднев всегда легко находил общий язык с людьми вне зависимости от их возраста, пола и положения в обществе. Его неизменная спокойная и уважительная манера общения располагала к нему людей, а сам же он, державший в разговоре известную дистанцию, умудрялся сохранять ровность при любой беседе, что также способствовало установлению доверительности.

Опыт взаимодействия с детьми у Руднева был тоже вполне успешный, но небогатый, и ограничивался поверхностным общением с чадами его знакомых, да иной раз – с уличными мальчишками, если это оказывалось необходимым в ходе расследований. Дмитрий Николаевич разговаривал с детьми без свойственных большинству взрослых снисходительности или сюсюканья, и потому в разговоре с ним дети чувствовали себя свободно, не замыкались и не тушевались.

Что до преподавания, то и тут определённый опыт у Руднева и вправду имелся, но любительские дружеские уроки давал он несистемно и преимущественно людям взрослым, чаще всего дамам.

Восемь пар детских глаз выжидательно смотрели на Дмитрия Николаевича. В иных взглядах читалось любопытство, в других – испуг, но во всех без исключения отчётливо виде-

лось откровенное восхищение. Усмотрев это, Руднев совсем уж смешался и подумал, что Юлия Павловна, по всей видимости, не так уж и сгущала краски, говоря о возможном эффекте от его появления в жизни воспитанниц.

Дмитрий Николаевич вдохнул, собрался, придал лицу строгое выражение, а голосу – сдержанную холодность.

– Добрый день, барышни! Извольте садиться. Я ваш новый учитель изобразительных искусств. Меня зовут Дмитрий Николаевич.

Девочки тихо присели за расставленные в полукруг парты для рисования, скромно потупившись, но украдкой продолжая пожирать своего нового учителя глазами.

Это были воспитанницы третьего года обучения, одногодки Стефки Ненадович. Так уж получилось, что первый урок у Дмитрия Николаевича оказался именно в этом классе, и теперь он немного жалел об этом, поскольку собственное его волнение, которого он от себя и не ожидал, мешало его первому, и как он по опыту знал, самому важному впечатлению от свидетелей. Впрочем, воспринимать восемь двенадцатилетних девчонок как свидетелей у него тоже никак не получалось. Руднев снова вспомнил Опросину и её негативную оценку плана господина Ярцева, и был вынужден признать, что в этот момент готов был с ней согласиться.

– Сегодня мы обратимся к вопросу изображения объёмной фигуры на плоскости за счёт проекций и теней, – заставил себя продолжить Дмитрий Николаевич, он очень на-

деялся, что встав на художественные рельсы, обретёт свою обычную уверенность.

Руднев вынул из кармана приготовленное заранее яблоко, вырезал из него ножом для заточки карандашей дольку и композиционно выложил яблоко и дольку на белый лист бумаги, а два других белых листа поставил за ними под прямым углом.

– Итак, барышни, начнем с обозначения основных плоскостей, с которыми далее станем соотносить все линии нашей сложной фигуры. Такой способ отображение объёма на плоскости называется изометрической проекцией. Простейшая её разновидность, которую я для вас смоделировал, называется прямоугольной и на плоскости отображается тремя осями, пересекающимися под углами в сто двадцать градусов друг относительно друга. То есть три оси разбивают пространство рисунка на три равных сектора.

Руднев нарисовал мелом на доске прямоугольную изометрическую систему осей.

– Прошу вас повторять за мной в своих альбомах. На следующем уроке вам придётся рисовать уже без моей помощи.

Девочки старательно заскрипели карандашами, сосредоточившись наконец на предмете урока, а не на персоне учителя, и к Дмитрию Николаевичу вернулось утраченное ранее спокойствие.

Теперь уже он смог внимательнее присмотреться к ученицам, продолжая свои объяснения и демонстрации, прак-

тически не задумываясь. Интерес для него представляли в первую очередь четверо девочек: Елена Блохина, Наталья Леман, Ольга Оболенская и Тамара Апания. Две первые слыли самыми большими непоседами, всюду сующими свой нос, две вторые были подругами Стефки. Всю эту информацию Руднев узнал ещё накануне из разговора с воспитательницей третьегодок, той самой молодой и голубоглазой. Звали её Анастасией Аркадьевной Волжиной.

Впрочем, предыдущий день оказался для Руднева и Белецкого богатым и на другие интереснейшие разговоры.

Когда биолог, Михаил Петрович Мещеряков, избавил Руднева и Белецкого от необходимости присутствовать при нелицеприятной сцене между начальницей и инспектрисой, новоявленные учителя Аничкиной иколе получили первую возможность узнать подноготную благородного пансиона.

– Не принимайте близко к сердцу нападки Анны Сергеевны, – посоветовал Мещеряков, проводив друзей в свой кабинет, забитый невероятным количеством чучел всевозможной живности, в том числе диковиной для наших российских земель. – Она со всеми так, не то, что только с вами. Эта женщина наша местная Немезида, только уж больно усердная в своём служении.

– Мне показалось, у неё сложные отношения с Юлией Павловной, – заметил Руднев.

– Вам не показалось, Дмитрий Николаевич. Они как кошка с собакой.

– Почему же Опросина это терпит?

– Тут вопрос политический. Юлия Павловна уже в немалых годах и попечители поговаривают, что пансиону требуется новая начальница, помоложе. Естественно, абы кому они школу ни за что не передадут, а лишь даме, знающей здесь всё вдоль и поперёк. Белова – ставленница от попечителей с перспективой замены Опросиной. Попытайся Юлия Павловна воспротивиться решению попечительского совета, это может ускорить её отставку, а она, простите за гусарское сравнение, как старая боевая лошадь, рассчитывает умереть в строю. Что до Анны Сергеевны, то она женщина с амбициями. Служила фрейлиной при Алисе*. Говорят, имела виды выбиться в статс-дамы, а то и в гофмейстерины, да что-то у неё там не сложилось, вот и определили её в Аничкину иколе за прислугой да воспитательницами присматривать, но, правда, с серьезной перспективой. Только, как по мне, перспектива для неё эта кажется уж слишком далёкой, а нынешнее своё положение она воспринимает едва ли не унизительным для себя.

*(*Примечание. Мещеряков говорит о супруге Николая II императрице Александре Фёдоровне, урождённой принцессе Виктории Алисе Елене Луизе Беатрисе Гессен-Дармштадтской.)*

– Вряд ли их противостояние идет школе на пользу, – высказался Белецкий.

– Это верно, Фридрих Карлович, – согласился Михаил

Петрович. – У нас тут с некоторых пор образовались две непримиримые коалиции. Так сказать, партия Юлии Павловны и партия Анны Сергеевны, и до последнего времени, надо сказать, вторые в глазах попечителей выглядели достойнее, пока не произошла эта глупость с одной из воспитательниц.

– Что за глупость? – заинтересовался Руднев.

– Была у нас при третьегодках воспитательница, Раиса Тимуровна Абашева, можно сказать, правая рука Анны Сергеевны. Они вроде как даже подругами были с детства. В пансионе там что ли вместе учинились, или даже семьи их дружили, не важно. Абашева эта, ну, чистая фурия. Девочки её как огня боялись. Придиралась к ним по чём зря. За любую провинность престрожайше наказывала. Они её Грымзой прозвали… У нас тут у всех свои прозвища. Меня вот Филином окрестили, проказницы, – старый учитель по-доброму рассмеялся, а после продолжил. – Так вот эта самая Грымза, прости господи, выставлялась Беловой как эталон воспитателя. Она всем её в пример ставила, а Юлии Павловне вечно глаза колола, что дескать, кабы её, Анны Сергеевны, воля, она бы весь персонал школы под такой вот идеал подобрала. И тут такой конфуз произошёл! Une histoire honteuse! (*Фр. Позорная история!*) Абашева, никому ничего не сказав, в ночи исчезает из школы, а на утро Опросина получает от неё телеграмму с объяснениями, что, дескать, нижайше просит простить её и понять, как женщина женщину. Встретила,

де, молодого да горячего поручика и – всё! Уезжает с ним в его какое-то там Тьмутараканское имение, где желает провести свои дни в любви и счастье. А Грымзе-то при этом, надо сказать, все сорок три годка уж как стукнуло. Ох, и высказала же тогда Юлия Павловна инспектрисе! Да ещё и на людях! Всё припомнила! А после и попечителям написала.

– А когда это произошло? – спросил Руднев.

– Да совсем недавно, с неделю. От того-то Юлия Павловна сегодня Беловой про это и пеняла, когда инспектриса про вас и попечителей вопросы задавать стала… А вы, господа, уж простите моё стариковское любопытство, и впрямь каким образом в Аничкиной иколе оказались? У нас тут, сами видите, мужской стандарт как на паперти: ни старик, так калека али убогий. Да и странно как-то, что вы, Дмитрий Николаевич, учительствовать пошли. Я про вас знаю, вы аристократ и художник с именем. Что за причуда? Или же смысл в этом какой-то есть, который старому Филину знать не положено?

– У причуд тоже свой смысл, – уклончиво ответил Руднев. – Скажу так, мы здесь по надобности служебной, связанной с репутацией школы.

– Эвана как! Надеясь, что вы копать будете под Белову, а не под Опросину. Я в её партии состою, если что.

– Мы станем придерживаться нейтралитета, – заверил биолога Белецкий и вернул разговор к прерванной теме. – Так вы, Михаил Петрович, про воспитательницу легкомысленную рассказывали. Чем там дело-то кончилось?

– А так, собственно, ничем. После телеграммы от Абашевой ни слуху, ни духу больше и не было. На её место Анастасию Аркадьевну Волжину назначили, а та сама ещё дитя. Сердце у неё золотое, и талант большой, а вот опыта выживания в воспитательском серпентарии пока совсем никакого нет. Достаётся ей от Анны Сергеевны пуще, чем ученицам. Уж сколько раз я ей слёзы-то утирал, – Мещеряков сердобольно покачал головой, а потом с горькой усмешкой добавил: – Вот ведь, господа, бывает, такие заковырки судьба подкидывает! Анастасию Аркадьевну на место Грымзы аккурат в её, душеньки, день рождения назначили, третьего сентября. Сразу же, как Раиса Тимуровна со своим полюбовником в ночь-то сбежала. Такой вот подарок неоднозначный.

Руднев с Белецким незаметно для Мещерякова обменялись взглядами. В ночь на третье сентября из Аничкиной иколе исчезла не только влюбленная воспитательница, но и дочь сербского короля.

После разговора с биологом Руднев поспешил к Юлии Павловне.

– Мадам, почему вы скрыли тот факт, что вместе со Стефкой исчезла одна из ваших воспитательниц? – сурово спросил он.

– Потому что это произошло не вместе, как вы изволили выразится! – возмущенно ответила директриса. – Между этим двумя событиями нет никакой связи!.. Как же вы быстро умудрились разнюхать эту грязь!

– У меня хороший нюх, Юлия Павловна! Поэтому-то я и здесь. И если вы не хотите, чтобы я, как полоумный терьер, перекопал в вашей благообразной школе все клумбы, извольте сами предъявить мне все здешние секреты, особенно те, что не очень-то хорошо пахнут.

Дерзость Дмитрия Николаевича возмутила Опросину до глубины души, но она сдержалась.

– Не знаю, что вам наговорили, – холодно сказала она. – Но эта история не более, чем пример досадной ошибки моей помощницы в оценке людей. Анна Сергеевна – опытнейший администратор, но и она могла сделать промах и не разглядеть таившуюся в её подруге греховность.

– Меня не интересует история грехопадения вашей воспитательницы. Я хочу знать подробности её исчезновения. Как это произошло?

Опросина надменно поджала губы, давая понять, что не станет обсуждать такую постыдную тему.

– Юлия Павловна, никому кроме вас я не могу задать этот вопрос, не возбудив подозрений, вы же понимаете, – продолжал настаивать Руднев. – Ответьте мне, пожалуйста!

– Мне нечего вам рассказать, Дмитрий Николаевич, – сдалась Юлия Павловна. – Когда утром обнаружилось исчезновение девочки, мне было не до чего. Я лишь стремилась ограничить круг посвящённых лиц и скрыть появление в школе агентов, поэтому до полудня я ни с кем из педагогов и воспитателей не общалась. Я, собственно, телеграмму от

Абашевой прочла раньше, чем узнала, что она сбежала. Потребовала объяснений от Анны Сергеевны. Это всё, что я могу вам на этот счёт поведать.

– А что вам сказала Анна Сергеевна?

– Что Раиса Тимуровна не явилась на утренний сбор воспитательниц. Они всегда собираются за полчаса до подъема девочек. Она решила, что Абашева заболела, пошла к ней в комнату, но той там не оказалось. Вещей в комнате тоже не было.

– Она попыталась её искать?

– Естественно! Сперва сама обежала всю школу, потом опросила персонал.

– Кто-нибудь что-нибудь видел?

– Нет.

– А сторож?

– Он тоже ничего не видел. Но, при желании, покинуть территорию школы можно не только через ворота.

– Понятно. Анна Сергеевна заявляла в полицию об исчезновении?

– Зачем бы она стала это делать? Было очевидно, что Абашева покинула пансион добровольно, а её телеграмма окончательно всех в этом убедила.

– Я могу увидеть эту телеграмму?

Директриса вынула из ящика стола папку с личным делом, на котором значилось имя оскандалившейся воспитательницы и протянула его Рудневу.

– Телеграмма приложена мною к личному делу Раисы Тимуровны.

– Вы сказали мне, Юлия Павловна, что личные дела персонала я найду вон в том шкафу, – заметил Дмитрий Николаевич. – Почему же это личное дело лежит не там?

Опросина вспыхнула.

– Вы зарываетесь, Дмитрий Николаевич! Пока что я сама решаю, что и где мне хранить в моём кабинете! Я не считала, да и сейчас не считаю, что личное дело Абашевой имеет какое-либо отношение к вашему расследованию.

Руднев покачал головой.

– Юлия Павловна, я не имею целью оскорбить вас или хоть в малой степени принизить ваши права начальницы школы, но до тех пор, пока ребёнок не найден, решать, какая информация имеет отношение к делу, а какая – нет, буду я, – отчеканил он.

Руднев раскрыл папку, перелистнул, вынул телеграмму и прочёл.

– Какой заработок у ваших воспитателей? – неожиданно спросил он.

Юлия Павловна, видимо уставшая сопротивляться, ответила уже без препирательств.

– Их доход составляет двести сорок два рубля в год, плюс четыре платья и полный пансион.

– Эта телеграмма обошлась ей в полтора рубля. Вам не кажется странным такое мотовство?

– На фоне того, что она вытворила, нет!

– Ну, хорошо, допустим. Но почему она просто не оставила записку?

– Откуда же мне знать?! Да и какая разница! Записка! Телеграмма!

– Разница в том, Юлия Павловна, что записку пишут от руки и по ней можно узнать или не узнать почерк. Кроме того, записка – это эпистолярное произведение, и у каждого человека есть стиль его составления, поэтому по записке можно понять, писал её человек своим умом или под диктовку. А вот с телеграммой подобных выводов сделать никак нельзя, ни почерка, ни стиля.

Опросина уставилась на Руднева в онемелом потрясении.

– Боже мой, Дмитрий Николаевич! Я сперва подумала, что вы подозреваете Раису Тимуровну в причастности к похищению Стефки, но вы, кажется, считаете, что с ней могло произойти несчастье?

– Я ничего не считаю, Юлия Павловна. У меня нет никаких оснований что-либо считать в отношении исчезновения вашей воспитательницы. Я лишь отмечаю странности: совпадение времени исчезновения Стефки и Абашевой, многословная телеграмма вместо записки, да и сама опереточная причина внезапного бегства. Однако, всё это может ничего не значить, и ваша бывшая воспитательница и в правду, возможно, нашла своё счастье в объятьях страстного поручика. Случалось мне и более нелепые история знать.

Слова Руднева о нелепых историях Юлию Павловну не успокоили.

– Да нет же, нет! Как я сразу не догадалась! – сокрушённо вскликнула она. – Это же очевидно! Произошло несчастье! А я еще смела так низко о ней думать!

Дмитрий Николаевич более утешать Опросину не стал, тоже подозревая, что в деле с Раисой Тимуровной что-то явно нечисто.

– Юлия Павловна, – мягко заговорил он, пользуясь минутой душевного смятения суровой начальницы, – Я очень вас прошу, подумайте. Может, за последнее время ещё что-то странное в школе происходило? Не обязательно день в день с исчезновение девочки. Возможно, раньше или позже? Я не прошу вас дать мне ответ сейчас, просто подумайте, вспомните. Пусть это будет что-то незначительное. Не бойтесь завалить меня чепухой. Лучше я отмету десяток не имеющих к делу пустяков, нежели я пропущу что-то действительно важное.

– Хорошо, – пообещала Юлия Павловна. – Я подумаю…

Первый урок Дмитрия Николаевича в Аничкиной иколе подходил к концу. У всех восьми учениц, у кого лучше, у кого хуже, в альбоме было нарисовано яблоко с вырезанной долькой и разметавшимися по трём плоскостям тенями. Руднев ходил между парт, придирчиво рассматривал работы, поправлял неточные линии и неуверенную штриховку.

– Меня радует ваше усердие, барышни, – заявил он, воз-

вращаясь на учительское место. – Однако должен заметить, что вы отстаёте от программы. Боюсь, мне придётся просить уважаемую Юлию Павловну ввести вам дополнительные часы по моему предмету, и, чтоб эффект от занятий был значительнее, я поделю вас на две группы по четыре ученицы в каждой. Первыми на дополнительные занятия придете вы, вы, вы и вы, барышни, – Руднев кивнул на Блохину, Леман, Оболенскую и Апанию. – Сдайте мне свои альбомы, не забыв подписать. Я продумаю для каждой из вас своё задание, в зависимости от выявленных мною пробелов в ваших навыках. Все, кроме указанных мною, могут быть свободны.

Четыре девочки послушно встали, сложили руки на фартучках, скромно потупили глаза и гуськом прошли к двери, где их уже ожидала Волжина, чтобы проводить на следующий по расписанию урок.

– Анастасия Аркадьевна, позвольте мне задержать этих учениц на пару минут, – попросил Руднев, и воспитательница утвердительно ему кивнула.

Проходя мимо нового учителя, одна из воспитанниц что-то шепнула второй, та хихикнула, третья тут же обернулся в дверях, едва не сбив с ног четвертую, которая густо покраснела, и из глаз у неё брызнули слёзы.

«Господи, помоги мне! Я не знаю, что с ними делать!» – мысленно взмолился Руднев, отводя взгляд от двери, где разыгралась вся эта нешуточная девчачья драма.

Четыре оставшиеся ученицы, за исключением Блохиной,

выглядели вроде как совершенно испуганными, не смевшими поднять на учителя глаза. Блохина же смело смотрела на Дмитрия Николаевича с нескрываемым любопытством.

Дмитрий Николаевич решил, что если он задаст этой девочке вопрос, особой катастрофы произойти не должно.

– Мадмуазель Блохина, – спросил он, водя по журналу кончиком карандаша. – Подскажите мне, почему на уроке отсутствовала Стефка Ненадович?

Девочка подскочила, явно не ожидая вопроса. Вспомнив, как себя полагается вести, она уставилась на свои туфельки и сбивчиво затараторила.

– Господин учитель, она сейчас не в школе. Она подвернула ногу, и её отвезли к родственникам, пока не поправится.

– Ах, ну да! – вспомнил учитель. – Мне же говорили. Очень печально слышать, что с вашей подругой произошла такая неприятность. Надеюсь на её скорое выздоровление. Когда она снова будет в школе, пусть присоединится к вашей группе… А теперь сдайте мне свои альбомы и можете идти на следующий урок.

Говоря о Стефке, Руднев внимательно наблюдал за реакцией девочек, и от его цепкого взгляда не ускользнуло, что Оболенская, статная, светловолосая, невероятно красивая девочка, и Апания, горделивая, яркая и черноглазая, коротко переглянулись, а Тамара даже подала подруге какой-то непонятный знак, сложив средний и указательный палец крестом. Подруги выглядели как заговорщики, хотя и

немного растерянно. Будь они взрослыми, Дмитрий Николаевич ни капли бы не сомневался, что они что-то скрывают, но тут, имея дело с двенадцатилетними девочками, он, признаться, ни в чём не был уверен.

До конца дня Руднев провел ещё два урока, успел побывать на обеде, посмотрел, как выглядит прогулка, заглянул в дортуар и к вечеру прибывал от всего увиденного в ужасе.

– Это же девятилетний карцер! – возмущался он, когда уже часов в семь вечера они с Белецким наконец выбрались из здания школы и оккупировали кружевную беседку в глухом уголке сада подальше от любопытных ушей. – Бедные девочки! Это же невыносимо! Как они здесь живут? Всюду строем! В дортуаре холодно и сыро, как в подвале! А чем их кормят? Мало того, что впроголодь, так ещё и чем-то абсолютно несъедобным! Ты видел, как их наказывают?! Одной рваный чулок к платью прикололи, другой – картонный язык за болтовню на шею повесили! Это же унижение!

– Зато их не порют, как мальчишек в гимназии, – философски ответил Белецкий.

– По мне так уж лучше порка, чем все эти издевательства!

– Это вы так говорите, потому что сами никогда розги не пробовали.

– А ты, видать, пробовал?

– Я был не таким тихим ребёнком, как вы, Дмитрий Николаевич, – уклонился от прямого ответа Белецкий и в свою очередь спросил. – Вам удалось узнать что-нибудь интерес-

ное помимо плачевного состояния дортуаров и скудного меню?

Руднев пожал плечами.

– Ничего конкретного, – признался он. – Ты знаешь, что означает у детей вот этот знак? – Дмитрий Николаевич сложил пальцы крестом, как это сделала Тамара Апания.

Белецкий взглянул на него с удивлением.

– Дмитрий Николаевич, вы правда не знаете?.. Это что-то вроде индульгенции на случай вранья.

– То есть?

– То есть, сложив пальцы крестом, можно со спокойной совестью говорить неправду, и это вроде как не зазорно. Вы что, никогда так не делали?

– Ты сам сказал, что я был тихим ребёнком… Получается, девочки действительно что-то скрывают.

– А вы, Дмитрий Николаевич, вообще напрасно думаете, что они здесь все такие уж невинные ангелы. У меня сегодня был урок у седьмого класса. К слову сказать, немецкий здесь преподают весьма посредственно, семигодки всё ещё путаются с падежами, но речь не об этом. Когда девочки покинули класс, я нашёл на полу вот эту записку. Почитайте.

Руднев развернул и прочёл: *«Теперь молчание стоит дороже. Удивите меня.»* Почерк был девичий и немного неровный, будто написано было второпях или в сильном волнении.

– Ого! – поразился Дмитрий Николаевич. – Это похоже

на шантаж! Что же у них тут происходит?

Глава 6

Леночка ликовала.

Всё-таки господь слышал не только те молитвы, в которых Леночка по настоянию школьного священника отца Никодима упоминала благополучие России, царскую семью и своих многочисленных родственников. Она-то никогда не сомневалась, что Бог, создавший такой огромный и интересный мир, в котором встречаются даже утконосы, не мог быть скучным и нудным старикашкой, как выходило по рассказам отца Никодима, поэтому каждый день добавляла в свои молитвы отдельную просьбу, сделать жизни в Аничкиной иколе ну хоть чуть-чуть веселее. И вот, наконец, руки у Бога дошли и до скромного желания Леночки Блохиной.

Началось всё с того, что Грымзу заменили на Настеньку. Это произошло так внезапно, что Леночка, да и остальные девочки, боялись поверить в свалившееся на них счастье. Однако шли дни, а Грымза не возвращалась и даже както не поминалась ни учителями, ни другими воспитательницами, ни главенствующей над воспитательницами Горгоной. Леночка пыталась подслушать разговоры в учительской, но и это не внесло ясности в происходящее.

Леночка бы, конечно, ни за что не отступилась, пока бы не выяснила всё про эту таинственную историю, но тут в жизни девочек случилось новое чудо, на этот раз масштабами

сопоставимое с воскрешением Лазаря.

В школе появились два новых учителя. Уже само по себе событие подобного рода вносило заметное разнообразие в занудный уклад жизни Аничкиной иколе, а в этот же раз, можно сказать, что над крышей Голицынского дворца в чистом сентябрьском небе грянул гром, переполошивший и лишивший душевного спокойствия девочек всех до единой.

Первым из двух новых учителей был преподаватель немецкого, по странности носивший германское имя при русской фамилии. Был он немного старым, впрочем, ещё не совсем, а вроде Архимеда, но, в отличие от ненавистного Леночке физика, привычки нежданно-негаданно появляться за спиной не проявлял. Кроме того, немец имел вполне себе привлекательную наружность, хотя и был очень высоким и худым, за что тут же получил прозвище Герштoк (от нем. Herr Stock – господин Палка).

На уроках Герштoк спрашивал строго, но за ошибки не наказывал, а лишь делал внушение и терпеливо объяснял. Разговаривал он с девочками только по-немецки, так что сперва они решили, что Герштoк, так же, как и Канарейка, русского вовсе не знает. Однако быстро выяснилось, что язык Пушкина немец понимает вполне себе, а также обладает невероятно острым слухом.

Открытие это было сделано Леночкой Блохиной, имевшей неосторожность в присутствии Герштока отпустить вслед вконец зазнававшейся Ольке Оболенской: «Вообража-

ла хвост поджала и за печку убежала!». Произнесено это было шёпотом, но Гершток услышал и, пригвоздив Леночку суровым взглядом, заявил, правда, всё равно по-немецки, что у фрейлен Оболенской хвоста нет и быть не может, и что, как приличная барышня, она не бегает, а ходит, а вот фрейлен Блохина демонстрирует дурной вкус, декламируя поэтические произведения, достойные разве что уст кухарки.

Несмотря на этот инцидент, Гершток Леночке очень понравился, и если бы не второй новый преподаватель, Леночка, пожалуй, сделалась бы его адоратрисой (от фр. adoratrice – обожатель).

Что касается второго учителя, с которым девочки должны были постигать изобразительное искусство, то это и вовсе была персона невероятная. Звали его Дмитрием Николаевичем, и никакое прозвище ему пока что как-то не придумывалось.

Начать стоит с того, что был он неописуемо хорош собой и при этом почти совсем не старый, а даже скорее молодой. Таких красивых мужчин Леночка Блохина видела только в книжках, вернее, в одной книжке, самой её любимой в детстве, со сказками Шарля Перо. Была там замечательная иллюстрация, где принц заявился в зачарованный замок будить спящую принцессу. Нет, естественно, что принц на картинке был красивее Дмитрия Николаевича, хотя бы даже потому, что одет был не в строгий темно-серый костюм, а по-принцевски, то есть имел плащ, шпагу, корону и большой кру-

жевной воротник, да и в тексте он значился как «прекрасный принц». И всё же учитель рисования уступал ему незначительно.

В дополнение к выдающейся внешности у Дмитрия Николаевича была самая настоящая тайна, выражавшаяся в том, что он никогда не снимал с правой руки перчатку, даже когда рисовал мелом на доске или поправлял карандашом рисунки учениц. Любопытная Леночка умудрилась подсмотреть за ним даже в учительской столовой и убедилась, что и за обедом Дмитрий Николаевич оставался в перчатке.

Девочки долго ломали голову над тем, чем же объясняется эта странная привычка учителя, и наконец умная Леночка догадалась, что наверняка это он, как средневековый рыцарь, дал обет верности какой-нибудь даме и поклялся не снимать перчатку, пока избранница не ответит взаимностью на его чувства. Это логичное предположение было поддержано всеми, даже зазнайкой Оболенской.

Уроки с Дмитрием Николаевичем проходили не то, что с предыдущим учителем рисования, который особо утруждать девочек не стремился и всегда за всё хвалил. Новый педагог требовал с учениц строго и объяснял им всякие сложности, правда, делал это спокойно, терпеливо и доходчиво. На похвалу он был скуп, зато оказался чрезвычайно вежлив и обращался к воспитанницам, вне зависимости от возраста, как к высокородным взрослым дамам.

В общем, такого учителя, как Дмитрий Николаевич, на па-

мяти воспитанниц ещё не было, и произведенный им фурор сложно было переоценить.

Дмитрий Николаевич открыл ящик своего учительского стола и отпрянул, оглушённый запахом «Лила Флёри» в нестерпимой концентрации. Атмосфера в классной комнате в один момент стала столь невыносимой, что Руднев кинулся открывать окна.

– Что тут у вас случилось, Дмитрий Николаевич? – раздался за его спиной мелодичный голос Анастасии Аркадьевны Волжиной.

Воспитательница третьегодок стояла в дверях, прикрыв нос платком.

– Похоже кто-то из девочек решил надо мной пошутить или и вовсе уморить! – отозвался Руднев, глотнув свежего воздуха. – Наверное, я кому-то очень сильно не нравлюсь.

Анастасия Аркадьевна рассмеялась и стала помогать ему с окнами.

– Напротив, Дмитрий Николаевич, вы кому-то очень сильно нравитесь! Это дело рук вашей адоратрисы.

– Кого?

– Обожательницы. Это такая традиция в пансионе. Девочки выбирают для себя предмет для поклонения и делают ему всякие приятности, например, поливают вещи одеколоном.

– Приятности?! – морщась от нестерпимого запаха, Дмитрий Николаевич принялся вытаскивать из ящика каранда-

ши, кисти, бумаги и прочие хранившиеся в нём предметы, последним был извлечен его собственный альбом с рисунками. – Господи! – простонал он. – Это же только в печь теперь!

Волжина отобрала у него альбом и перелистнула несколько страниц.

– Да что вы! Как можно такое в печь?! – воскликнула она. – Я раньше никогда не видела ваших работ, Дмитрий Николаевич. Эти рисунки восхитительны!

– Благодарю, – Руднев свалил все вещи обратно в ящик, вынул его целиком и перенёс на подоконник. – Думаете, это когда-нибудь выветрится?

Анастасия Аркадьевна снова рассмеялась.

– Не знаю. Главное, не вздумайте оставить пиджак где-нибудь в доступном для девочек месте.

– Ох! Вы уж мне сразу расскажите, чего мне ещё стоит ожидать!

– Похищенных платков и перчаток. Срезанных пуговиц. Записочек со стишками на французском. Подвядших букетиков под дверью вашей комнаты. Могут и ещё что-нибудь придумать. У девочек воображение богатое.

Руднев всплеснул руками, а потом и сам рассмеялся.

– Вы так хорошо осведомлены, потому что у вас тоже есть адоратриса? – спросил он.

– Нет, – ответила Волжина. – Я не так популярна. Просто я пепиньерка (от французского pepiniere – саженец, рассадник).

– Кто, простите?

– Пепиньерка – выпускница Аничкиной иколе, которая осталась в ней преподавать.

– Мне нужен словарь, чтобы понимать здешнюю лексику, – признался Руднев. – Так вы, Анастасия Аркадьевна, получается, старожил в этих стенах?

– Да, в каком-то смысле. Но я не одна такая, большинство воспитательниц здесь же и учились.

– А учителя? Они здесь все давно?

– Многие преподавали, когда я ещё носила фартучек. Уже позже пришли учитель музыки, физик и учительница танцев. А итальянка и математик начали работать здесь с прошлого года. Но это совсем не важно, отработать в Аничкиной иколе год или все десять. Достаточно пробыть здесь неделю, чтобы застыть как муха в янтаре, потерять счёт времени и стать пронафталиненной реликвией.

– Полноте, Анастасия Аркадьевна, вы совсем не похожи на реликвию! – пылко возразил Руднев.

Он взял чистый альбом и карандаш.

– У вас есть время? – спросил он Волжину. – Позволите вас нарисовать?

Анастасия Аркадьевна зарделась и смущенно ответила.

– Если хотите… У девочек сейчас танцы, так что у меня есть почти полтора часа свободного времени.

– О! Так сделайте милость, подарите их мне! У меня сейчас тоже нет уроков.

Дмитрий Николаевич пододвинул Волжиной один из ученических стульев, а сам по-мальчишечьи уселся на подоконник и принялся рисовать.

– Говорите, у девочек танцы? – продолжил он прерванную беседу. – Вряд ли это их любимые занятия. По моему мнению, Владиана Степановна слишком уж строга к ними. Жаль, что личная драма сделала её столь суровой.

– Она не настолько черства, как все думают, – возразила Анастасия Аркадьевна. – В глубине души она милосердна!

Руднев изумленно поднял брови.

– Видимо, где-то совсем уж глубоко, – произнёс он с сомнением. – Я слышал, как она при всех назвала Наталью Леман неуклюжей матрёшкой. Бедняжка аж расплакалась! Разве можно такое барышням говорить! Между прочим, Леман очень талантлива в рисовании. Не всем же в конце концов быть балеринами! Я вот тоже долгое время путал такты и в танце наступал партнёршам на ноги.

Анастасия Аркадьевна звонко рассмеялась.

– Никогда не поверю, что вы плохой танцор! – уверена заявила она. – Вы на себя наговариваете из чувства солидарности с мадмуазель Натали… А что касается Владианы Степановна, то она, конечно, иногда бывает чрезмерно резка, но мне известен пример её восхитительной душевности!

– Что же это за пример?

– Она единственная в школе, кто поддерживает доверительные отношения с Сергеем Григорьевичем. Они настоя-

щие друзья!

Руднев был удивлён. По его впечатлениям Сергей Григорьевич Аршинин, хромой и горбатый учитель математики, ни с кем в пансионе не то что не водил дружбы, но и вовсе не знался.

Волжина продолжала рассказывать.

– Сергею Григорьевичу было совсем непросто влиться в наш коллектив. А с Владианой Степановной у него и совсем все было сложно. Она такая красивая женщина, и сразу ему очень понравилась. Это же всегда видно, когда женщина нравится мужчине…

Карандаш в руке Руднева замер. Дмитрий Николаевич оторвал взгляд от рисунка, и на короткое мгновение глаза его встретились с небесно-голубыми глазами Анастасии Аркадьевны. Впрочем, он тут же торопливо вернулся к своему занятию и вроде как не заметил выступивший на щеках Волжиной румянец.

– Так что там было дальше? – прервал Руднев неловкую запинку.

– Так вот, Сергею Григорьевичу было совсем неуютно и одиноко. Мы, право, думали, что он не задержится в Аничкиной иколе, но он остался, и даже стал как-то менее хмур. Никто не знал причины этому, да и сейчас, уверена, кроме меня никто не знает, что настроение его переменилось из-за дружбы с Грачевской. Так уж получилось, что я несколько раз видела их вместе. Они любят гулять по саду подле сол-

нечных часов, а я тоже это место люблю, ещё с детства. Я, конечно, перестала туда ходить, когда поняла, что они там встречаются в тайне от любопытных глаз. А у нас тут с тоски все глаза любопытные, а языки болтливые… Вы ничего такого не подумайте! Я не сплетница! Я про них только вам, Дмитрий Николаевич, рассказала, поскольку вы про Владиану Степановну разговор завели… И потому, что уверена, вы способны понять ценность и благородство таких отношений и никому ничего не скажите…

Последние слова Волжина произнесла сбивчивой скороговоркой, снова краснея.

Дмитрий Николаевич, теперь уж не пряча взгляда, открыто смотрел на свою собеседницу, и та, кабы осмелилась поднять на него глаза, прочла бы в его взгляде восхищение.

– Конечно, я никому не скажу, – пообещал он. – Это лишь их двоих касается.

Было в его голосе что-то такое, от чего Анастасия Аркадьевна и вовсе смешалась, вскочила и заторопилась.

– Простите, Дмитрий Николаевич, я совсем забыла… У меня есть важное дело… Мне нужно идти!

Волжина стремительно направилась к двери, где столкнулась с Белецким. На его извинения она пробормотала что-то невнятное и, совсем смутившись, стремглав выскочила из классной комнаты.

Белецкий растеряно посмотрел ей вслед.

– Я что-то не то сделал? – недоуменно спросил он, а после

принюхался и скривился. – Oh, das ist so eklig! (нем. – О, это отвратительно!) Здесь пахнет как в парфюмерной лавке! Немудрено, что Анастасия Аркадьевна столь стремительно удалилась! Что здесь произошло?

Погруженный в свои мысли и чувства Дмитрий Николаевич молчал и опомнился, лишь когда Белецкий подошёл к нему.

– А?.. Что ты спросил?.. Запах?.. Это девочки вылили мне в ящик стола одеколон… Адоратрисы…Такая у них тут глупая традиция, – рассеяно ответил он.

Белецкий посмотрел на Руднева настороженно.

– Дмитрий Николаевич, вы «Лила Флёри» нанюхались что ли чрезмерно? Как-то вы странно разговариваете.

И тут он заметил на коленях Руднева альбом с недорисованным портретом.

– Та-ак! – протянул Белецкий, указывая на портрет. – Вы в неё влюбились!

Окончательно опамятовавшийся Дмитрий Николаевич пожал плечами.

– И что с того, даже если и так?

Белецкий впился в Дмитрия Николаевича хмурым озабоченным взглядом.

– Да что ты, Белецкий, сморишь на меня, как на хворого? – рассмеялся Руднев.

– Да потому, – взорвался Белецкий, – что ваша влюбленность хуже лихорадки! И малиной вас от неё не отпоить!

– Белецкий, ты единственный в мире человек, который сетует на то, что влюбленность малиной не лечится!

– Я единственный в мире человек, которому приходится лечить ваши влюбленности!

– Белецкий, влюбленность – не болезнь, а нормальное состояние души! И не нужно меня от неё лечить!

– Кабы вы голову не теряли, я бы с вами согласился!.. Вот ведь нашли время! Здесь черт знает что творится, а вы амуры взялись разводить!

Руднев сложил альбом у бросил его в проветривающийся ящик.

– Не беспокойся о моей голове, – примирительно сказал он. – Поверь, я отлично помню зачем мы здесь. Ты ведь мне что-то рассказать пришёл?

Белецкий ещё несколько секунд сердито просверкал глазами, а потом поведал.

– Дмитрий Николаевич, пока вы тут с дамой любезничали и портреты рисовали, я ознакомился с личным делом учительницы французского, Екатерины Владимировны Княжиной. В своё время она была помолвлена с сербским офицером из числа слушателей академии Генштаба, но за месяц до свадьбы разорвала помолвку. Позже её жениха отозвали на родину и там отправили под трибунал за участие в антимонархическом заговоре. Он сбежал из-под стражи и, предположительно, вернулся в Россию, где присоединился к террористически-анархистской группировке русских революцио-

неров и, якобы, даже был активным участником революции 1905 года.

– Неужто ты всё это в её личном деле вычитал? – подивился Дмитрий Николаевич.

– Нет, там только про помолвку разорванную было и имя жениха. Остальное я узнал у Черномора.

– У кого?

– Так девочки прозвали историка Гольца.

– А у него-то откуда такая осведомленность о личной жизни Екатерины Владимировны?

– Про её личную жизнь он ничего не знает, зато он написал статью о Белградском заговоре, где в числе прочих заговорщиков был упомянут и жених Княжиной. Этот Константин Францевич хвастал передо мной своими публикациями. Я, естественно, выразил желание ознакомится с сербской историей. В общем, всё это абсолютно неважно. Главное, у нас есть имя Миомир Тубич. Думаю, стоит задать вопрос о нём нашему фельдмаршалу из Особого отдела?

– Пожалуй, – согласился Руднев. – Хотя я бы стал его спрашивать не столько про анархиста Тубича, сколько про то, почему господин Ярцев не счёл нужным нам о нём поведать. Ни за что не поверю, что Департамент полиции не знал о Тубиче и про его матримониальные намерения в отношении здешней учительницы.

Белецкий нахмурился.

– Вы не доверяете Ярцеву, Дмитрий Николаевич?

– Не доверяю, – признался Руднев. – Он из тех людей, про которого никогда не знаешь, что он сжимает в руке, которую держит за спиной. Мне это не нравится.

– Думаю, вы преувеличиваете. Он просто о вас высокого мнения и хочет, чтобы вы взглянули на картину незамутнённом взглядом, – Белецкий взглянул на часы. – Я должен идти, у меня урок. Встретимся через полтора часа.

Однако встретиться им пришлось раньше.

Глава 7

Леночка всё никак не могла решиться, чьей адоратрисой стать: Герштока или Дмитрия Николаевича. С одной стороны, сделаться обожательницей учителя рисования было бы более очевидным решением, в конце концов, он ведь так походил на «прекрасного принца», но с другой – была в этом какая-то несправедливость по отношению к Герштоку, ведь не будь Дмитрия Николаевича, выбор Леночки был бы однозначен, да, к тому же, и без Леночки Блохиной у Дмитрия Николаевича хватало поклонниц.

Помучившись в нерешительности, Леночка Блохина наконец приняла Соломоново решение: по понедельникам, вторникам и средам она станет обожать Дмитрия Николаевича, по четвергам, пятницам и субботам – Герштока, ну, а в воскресенье, пожалуй, можно побыть и адоратрисой Михаила Петровича. А то ведь у Филина совсем обожательниц нет! А он ведь даже для неё, для Леночки, снял с самой высокой полки чучело утконоса и разрешил потрогать!

В тот день, когда было принято судьбоносное решение, был аккурат вторник. То есть день обожания Дмитрия Николаевича.

Последним уроком у третьегодок была гимнастика, которую по причине ещё пока теплой и сухой погоды проводили на улице в школьном парке. Леночка Блохина гимнастику

терпеть не могла, поскольку ничему полезному, например, лазанью по деревьям, Марта Германовна Адам по прозвищу Ева, разумеется, их не учила.

Чтобы избавится от ненавистных занятий и высвободить себе время, Леночка пожаловалась Еве на плохое самочувствие, и та освободила её от урока, велев зайти в лазарет к сестре. Леночка сделала лицо пожалостливее и поплелась к лечебному флигелю, но, едва лишь завернув за угол, шмыгнула в заросли ирги, где на старой полусгнившей скамейке было их с Натали секретное место.

Благословенных полтора часа добытого враньём времени Леночка намеривалась потратить с пользой. У неё было два серьезных дела. Во-первых, она хотела сходить на дальний пруд и проверить как там поживает семейство крякв, к гнезду которых, судя по следам, повадилась наведываться лисица. А, во-вторых, ей следовало совершить подвиг во имя своего обожаемого Дмитрия Николаевича. В этом вопросе Леночка решила не мелочиться и начать с деяния значительного, на которое мало кто из адоратрис решался, но которое считалось наивысшим проявлением почитания в силу несомненной сложности исполнения и тяжести последствий. В общем, Леночка решила, что во имя Дмитрия Николаевича она нынче съест кусок мыла, который утром втихаря утащила из помывочной.

Посидев в раздумьях, Леночка решила, что начать нужно всё-таки с подвига, поскольку дело это было куда как менее

приятное, чем прогулка до пруда, а откладывать неприятные занятия на потом Леночка не любила.

Девочка достала противный мерзко пахнувший серо-бурый комок из кармана и приказала себе собраться. Её уж и заранее тошнило от мысли каково это сомнительное лакомство на вкус, но кто же сказал, что быть адоратрисой лёгкий жребий?

Леночка зажмурилась и приготовилась откусить кусочек, но тут за её спиной раздался спокойный и ровный голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.